

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ИНОПЛАНЕТЯН

АЛИСА ВЕРЕСОВА

Алиса Вересова

Семейный архив инопланетян

«Автор»

2026

Вересова А.

Семейный архив инопланетян / А. Вересова — «Автор», 2026

Генеалог Вера Ланская получает невозможное наследство: инопланетный семейный архив считает её бабушку продолжательницей чужого рода. Внутри — путь к пропавшей семье, тайны первого контакта и механизм, который признаёт родство не по крови, а по доказанной заботе. Но каждый вопрос расходует невозполнимый ответ и раскрывает секреты обеих сторон. Пока родственники спорят о праве владеть прошлым, предприимчивый кузен Веры пытается превратить архив в технологию определения наследников. Чтобы остановить его, Вере придётся отказаться от личной власти, доверить решение тем, с кем она не согласна, и построить первую систему, где память нельзя купить, а близость не означает право распоряжаться другим человеком. «Семейный архив инопланетян» — тёплая научно-фантастическая семейная сага о тайнах, добровольных границах и людях, которые становятся родными не по записи в древе, а по принятым поступкам.

© Вересова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Посылка с орбиты	6
Глава 2. Родство без крови	11
Глава 3. Позывной «Ласточка»	18
Глава 4. Конфликт интересов	22
Глава 5. Договор на полях	28
Глава 6. Семейный совет	35
Глава 7. Комната без камер	41
Глава 8. Наследник поручения	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алиса Вересова

Семейный архив инопланетян

От автора

Семейные архивы кажутся собранием ответов. Даты, имена, письма и фотографии обещают однажды объяснить, кто мы такие и откуда взялись. Но любой настоящий архив хранит не только найденное. В нём есть пропуски, сознательное молчание, чужое право не рассказывать и вопросы, на которые уже некому ответить.

Эта история выросла из простой фантастической мысли: что случится, если другая цивилизация считает родственниками не тех, у кого совпадает кровь, а тех, кто однажды принял заботу и не отказался от неё? Тогда наследство перестаёт быть только имуществом. Оно становится поручением — и спор о праве владеть превращается в спор о готовности отвечать за последствия.

Перед вами роман о взрослых людях, которым приходится различать близость и доступ, правду и право на правду, семейную верность и семейное молчание. В нём есть звёздный маршрут, дипломатический конфликт и архив, способный показать прошлое. Но решения за героев не принимает ни технология, ни закон, ни происхождение. Каждому приходится самому назвать цену своего вопроса.

Эту книгу лучше читать как семейную историю, в которой фантастика делает привычные границы заметнее. Здесь необязательно запоминать все правила архива заранее: они открываются тогда, когда меняют выбор персонажей. Важнее наблюдать, что люди и эллари делают с полученной правдой — присваивают её, прячут или превращают в ответственность перед живыми.

Если после последней страницы захочется внимательнее отнестись к чужой тайне, спросить родных о том, что они готовы рассказать, или вспомнить человека, чья забота сделала вас частью семьи, значит, путь этого архива был пройден не напрасно.

Глава 1. Посылка с орбиты

Клиенты чаще всего приходили к Вере за предками, а на самом деле — за разрешением. Разрешением считать себя дворянином. Не возвращать квартиру двоюродной тётке. Обижаться на покойного отца. Иногда — носить чужую фамилию так уверенно, будто уверенность могла заменить запись в метрической книге.

Мужчина напротив неё хотел получить разрешение не делиться.

— Я ведь не прошу вас ничего сочинять, — сказал он и поправил на колене папку из синей кожи. — Просто сформулировать вывод однозначно.

За окном августовский Светлояр плыл в мареве. По стеклу конторы медленно двигалась тень грузового дирижабля; на его серебристом боку мигала реклама орбитальных туров. Семь лет назад горожане выбегали на набережную смотреть на каждую машину, прилетевшую со станции «Перевод». Теперь дирижабль раздражал автомобилистов, потому что перекрывал навигационные маяки.

Вера развернула монитор к клиенту.

— Здесь запись о рождении вашей прабабушки. В графе «мать» — Акулина Мельникова. Здесь перепись через два года: девочка живёт у сестры Акулины. А вот запись, которую вы принесли как доказательство усыновления, сделана на двадцать три года позже и не содержит ссылки на решение суда.

— Но фамилия одна.

— Фамилия — улика, не приговор.

— Другой специалист сказал, что этого достаточно.

— Тогда вам нужен другой специалист.

Он посмотрел на неё с обидой человека, которому продали весы, а они отказались показывать желаемый вес.

На столе между ними лежала распечатанная схема: прямые линии кровного родства, пунктир предполагаемого, красные рамки вокруг документов, подлинность которых ещё предстояло установить. Вера любила схемы именно за это. Хорошее дерево не скрывало пустот красивыми листьями.

— Мой двоюродный брат ничего не делал для бабушки, — произнёс клиент тише. — Даже не приезжал.

Вот оно. Не вопрос происхождения, а счёт за заботу, предъявленный не тому суду.

— Это может иметь человеческое значение, — сказала Вера. — Возможно, и юридическое, если есть завещание, расходы, свидетельства ухода. Но родословная не начисляет баллы за добродетель. Я могу подтвердить только то, что подтверждается.

Он застегнул папку.

— Значит, зря потратил деньги.

— Вы заплатили за проверку. Не за удобный ответ.

Дверь закрылась аккуратно, что было хуже хлопка. Вера сохранила отчёт, поставила в календаре напоминание вернуть клиенту неиспользованный аванс и только тогда позволила себе выдохнуть.

На пустом стуле сидела воображаемая бабушка Галина и качала головой.

«С таким характером, Верочка, ты однажды начнёшь брать плату за право с тобой спорить».

— Уже, — сказала Вера пустому стулу. — Почасовой тариф на сайте.

Домофон зазвонил.

На экране вместо лица курьера возникло зернистое серое пятно. Потом пятно отодвинулось и оказалось шлемом. Забрало отражало подъездную камеру.

— Доставка для Веры Андреевны Ланской. Лично. Биометрическая приёмка.

— Я ничего не заказывала.

— Отправитель — Объединённая служба хранения, станция «Перевод».

Она решила, что ослышалась.

— Какая служба?

Курьер повторил, медленно и без удовольствия. За его плечом в подъезде мигал янтарный огонь транспортного кофра.

Вера не открыла дверь. Сначала позвонила по номеру станции, опубликованному в государственном реестре, продиктовала код отправления и дважды переспросила фамилию получателя. Диспетчер подтвердил доставку, но отказался назвать содержимое.

— В сопроводительной записи указано: «архивный объект, неактивный», — сообщил он. — Получатель определяется объектом.

— Простите?

— Это точная формулировка.

Курьер ждал двенадцать минут и не жаловался. Когда Вера наконец впустила его, он внёс кофр на складной антигравитационной платформе. Было странно видеть технику орбитальных грузчиков среди шкафа с дореволюционными справочниками и фикуса, который Галина заведовала внучке вместе с привычкой не выбрасывать бечёвку.

— Проверка личности, — сказал курьер.

Сканер принял паспорт, ладонь и голос. На четвёртом шаге попросил каплю крови.

— Нет.

— Без полного протокола я не могу оставить груз.

— В вашем уведомлении биологический образец не указан. Кровь — медицинские данные. Увозите.

Курьер впервые поднял глаза от планшета. Ему было лет двадцать пять, и под служебной невозмутимостью проступило облегчение.

— Хорошо, что вы сказали. Этот пункт добавил сам груз.

— Груз не добавляет пункты.

— Этот добавил.

Он показал журнал. Требование появилось после того, как кофр пересёк порог здания: строка без кода оператора, на языке интерфейса, но с необычным порядком слов. «Пусть продолжательница подтвердит вещество своего начала».

Вера сфотографировала экран.

— Уберите запрос крови. Оставьте отметку об отказе.

Курьер подчинился. Янтарный индикатор на кофре погас, словно предмет внутри услышал их разговор и потерял интерес.

Под тремя слоями транспортной оболочки обнаружилась капсула длиной с её предплечье. Материал напоминал дымчатое стекло, но свет не проходил сквозь него, а уходил внутрь и дробился там на тонкие серебряные жилки. На крышке не было ни замка, ни шва. Только неглубокая выемка в форме раскрытой ладони.

И бумажная бирка.

Настоящая бумага, сероватая, с машинной надписью на русском:

«Ветви Галины Петровны Ланской. До востребования продолжательницей».

У Веры похолодели пальцы.

— Откуда это пришло?

— С закрытого сектора хранения. Груз передали эллари во время инвентаризации бесхозных объектов. Он семь лет не принимал ни одного адресата. Сегодня назвал вас.

— Каким образом назвал?

— Я курьер, Вера Андреевна.

Он произнёс это с достоинством человека, который давно решил не узнавать лишнего ради спокойного сна. Вера подписала акт с оговоркой: «Без вскрытия, без передачи биоматериала, происхождение не подтверждено». Курьер унёс оболочки, оставив платформу до приезда специалистов.

Капсула лежала на рабочем столе поверх родословной недовольного клиента. Серебряные линии внутри медленно перестраивались. Вера выключила настольную лампу — движение продолжилось.

Она позвонила матери.

— Мам, тебе о чём-нибудь говорит словосочетание «ветвь Галины Ланской»?

Пауза длилась чуть дольше обычной задержки связи.

— Очередные мошенники нашли старые данные?

— Посылка со станции.

— Не открывай.

Слишком быстро.

— Ты знаешь, что это?

— Я знаю, что твоя бабушка умела оставлять неприятности так, чтобы они выглядели подарками.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет. Вера, обещай, что не станешь трогать эту вещь одна.

— Я её уже приняла.

— Принять и открыть — не одно и то же.

Связь оборвалась. Мать никогда не бросала трубку. Даже во время ссор она говорила: «Я заканчиваю разговор», словно ставила подпись под медицинским заключением.

Вера обошла стол. Выемка на капсуле была явно рассчитана на руку, но требование крови она уже отклонила. Она надела архивные перчатки, приблизила ладонь. Ничего.

Сняла перчатку и остановилась в сантиметре от поверхности.

Профессиональная осторожность перечисляла действия: покинуть помещение, вызвать службу Контакта, дождаться эксперта. Профессиональное любопытство заметило, что серебряные жилки повернулись к её руке, как стебли к свету.

Вера коснулась капсулы одним пальцем.

Мир не взорвался. Просто кабинет стал темнее, хотя солнце по-прежнему лежало на полу ярким прямоугольником.

Над столом возникла женщина лет тридцати. Полупрозрачная, в выцветшей рабочей куртке, с короткими волосами и упрямо приподнятым подбородком.

Вера знала это лицо по пяти фотографиям.

— Бабушка? — спросила она прежде, чем успела запретить себе глупость.

Изображение не ответило. Молодая Галина сидела на земле среди высокой тёмной травы. На руках у неё был ребёнок — слишком лёгкий, с четырьмя тонкими пальцами и кожей цвета мокрого жемчуга. Ребёнок прижимал ладонь к её горлу, будто слушал голос не ушами.

За кадром кто-то произнёс два певучих слога.

Галина подняла голову.

— Я сохраняю, — сказала она. — Но не для тех, кто первым прибежит за своим. Для тех, кто согласится отвечать за чужое.

Изображение исчезло.

На поверхности капсулы проступили две светящиеся линии. Одна дошла до руки Веры. Вторая протянулась в пустоту и оборвалась у края стола.

Телефон зазвонил так резко, что Вера отдернула ладонь.

Номер принадлежал Межвидовой комиссии. Женщина на экране была смуглой, темно-волосой, в сером форменном жакете без знаков ранга. Говорила она спокойно, но не тем слу-

жебным спокойствием, которым прикрывают незнание. Скорее так говорит человек, уже увидевший пожар и решивший сперва вывести людей.

— Вера Андреевна Ланская? Меня зовут Майя Рен. Я дипломат комиссии по имущественным и семейным разногласиям.

— У вас есть отдельная должность для семейных разногласий с инопланетянами?

— Со вчерашнего дня.

В другой момент Вера оценила бы ответ. Сейчас она смотрела на оборванную серебряную линию.

— Вы знаете, что мне доставили?

— Семейный архив эллари. Точнее будет сказать: он сам распознал вашу семью как одну из связанных ветвей.

— Одну из?

Майя опустила взгляд, словно проверяя формулировку в лежащем вне кадра документе.

— На содержимое заявляют права две стороны. Представитель рода эллари уже прибыл на «Перевод». Человеческое заявление зарегистрировано вашим родственником Денисом Волковым три часа назад.

Вера вспомнила Дениса: неизменно белые рубашки, похороны как место для обмена визитками, поздравления с днём рождения, заканчивающиеся вопросом о стоимости бабушкиного дома.

— Откуда он узнал раньше меня?

— Это один из вопросов, которые нам предстоит выяснить. Есть ещё один. Архив активировался?

Вера посмотрела на место, где только что стояла молодая Галина.

Лгать было бессмысленно. Но и отдавать неизвестной женщине первую увиденную семейную запись она не собиралась.

— Он отреагировал на прикосновение.

— Тогда не задавайте ему вопросов.

— Я ничего не спрашивала.

— Вы назвали родство вслух?

Вера вспомнила своё «бабушка?» и почувствовала, как внутри поднимается злость — прежде всего на себя.

— Допустим.

— Архив мог счесть это запросом. Каждый ответ взаимный: он показывает искомое и открывает скрытую запись каждой присутствующей ветви. Если второй ветви нет, последствия непредсказуемы.

— Очень удобно сообщать правила после доставки.

— Согласна. Я пытаюсь исправить это быстрее, чем другие воспользуются ошибкой.

Снизу донёлся сигнал домофона. На экране подъездной камеры стояли трое: Денис, незнакомый мужчина с кейсом и оператор городской новостной сети.

Майя услышала звонок.

— Не впускайте их. Я направила охрану комиссии.

— На каком основании вы распоряжаетесь в моём офисе?

— Ни на каком. Поэтому прошу, а не распоряжаюсь.

Это Вера тоже отметила.

— Когда слушание?

— Через десять дней. До него архив нельзя перемещать, сканировать или снова активировать. И есть сложность: чтобы открыть его законно и безопасно, должны присутствовать представители обеих признанных ветвей.

— Кто второй?

Майя посмотрела прямо в камеру. На одно короткое мгновение её спокойствие дало трещину.

— Этого архив пока не сообщил.

За дверью конторы раздался голос Дениса:

— Верочка, открой. У нас семейное дело.

Капсула засветилась ярче. Первая линия снова потянулась к Вере. Вторая, прежде уходящая в пустоту, медленно повернулась к экрану телефона.

К Майе Рен.

Глава 2. Родство без крови

Охрана комиссии появилась раньше, чем Денис успел убедить дверь, что у неё нет семейных чувств.

— Верочка, — говорил он через домофон, — я же не чужой. Мы оба заинтересованы, чтобы всё осталось у своих.

— Именно эта фраза обычно предшествует попытке поделить чужое, — ответила Вера.

На экране подъездной камеры двое сотрудников в серых куртках попросили оператора убрать камеру, а мужчину с кейсом — предъявить разрешение на работу с внеземными носителями. Мужчина немедленно вспомнил о другой встрече. Денис остался. Он поднял голову к камере и улыбнулся так, будто отказ был первым пунктом заранее согласованной сделки.

Майя всё ещё находилась на связи.

— Капсулу придётся перевезти на станцию, — сказала она. — Здесь невозможно обеспечить присутствие обеих сторон и независимую фиксацию.

— Пять минут назад вы запретили её перемещать.

— До прибытия защищённого контейнера. Он уже внизу.

— А если архив не согласится?

— Тогда мы узнаем, что у семейной реликвии есть право выбирать место жительства. Юристы комиссии будут счастливы.

Вера посмотрела на вторую световую линию. Та по-прежнему тянулась к изображению Майи, хотя экран телефона был не материальнее отражения в стекле.

— Вы видите это?

— Вижу.

— И вас это не удивляет?

— Меня семь лет учат удивляться после составления протокола.

Ответ был почти шуткой, но Майя произнесла его слишком ровно. Вера сохранила кадр экрана вместе с временем звонка.

— На станции будет представитель эллари? — спросила она.

— Двое. Саэл заявил требование как потомок семьи Авиара. Иона Тесс прибыла как хранительница правил архива.

— А Денис?

— Подал заявление как ваш кровный родственник и потенциальный совладелец. Пока комиссия не установит природу объекта, отказать ему в участии нельзя.

В дверь снова постучали. Теперь официально — три коротких удара.

— Вера Андреевна, защищённая перевозка, — сообщил сотрудник комиссии. — Разрешите войти без сопровождающих заявителей.

Верапустила только охрану. Денис успел просунуть в щель визитную карточку.

— Позвони, когда устанешь воевать со всеми сразу.

Она подняла карточку двумя пальцами.

— Ты ведь уже знаешь, что внутри.

Улыбка Дениса стала внимательнее.

— Я знаю цену того, чего ещё нет на рынке.

— Это не одно и то же.

— Для рынка — одно.

Дверь закрылась. Вера положила карточку в прозрачный пакет для документов, указала время и имя свидетеля. Один из охранников понимающе хмыкнул.

— Вы всё оформляете как доказательство?

— Пока люди ведут себя как доказательства.

Капсулу накрыли гибким экраном, гасящим электромагнитные сигналы. Серебряные жилки потускнели, но не исчезли. Когда сотрудники попытались поднять экран вместе с объектом, тот не сдвинулся. Антигравитационная платформа застонала, словно на ней лежал не предмет длиной с предплечье, а фундамент дома.

— У него есть масса? — спросил младший охранник.

— До активации было восемь килограммов, — сказала Майя из телефона. — Не применяйте силу.

Вера приблизилась к столу.

— Мы едем туда, где будут обе ветви, — произнесла она, чувствуя нелепость разговора с капсулой. — Без новых вопросов. Без вскрытия. Я останусь рядом.

Серебряные жилки собрались в одну линию и легли вдоль корпуса. Платформа легко поднялась.

— В протокол, пожалуйста, — сказала Вера.

Младший охранник уже печатал.

На орбиту они поднялись вечерним челноком. Капсуле отвели отдельный контейнер, Вере — место напротив прозрачной перегородки. Дениса комиссия посадила в другой отсек, и он прислал ей три сообщения. Первое содержало проект соглашения о представительстве. Второе — фотографию их прабабушки на семейном празднике. Третье: «Лицензия на безопасное чтение архивов оплатит мамино лечение и твою контуру на десять лет».

Лариса была врачом, а не пациенткой, но Денис любил строить фразы так, чтобы ошибка успевала причинить вред до исправления.

Вера позвонила матери. Та не ответила. Тогда Вера написала: «Я на станции. Капсулу открывать не будут без согласованного запроса. Мне нужно знать, почему ты её испугалась».

Сообщение осталось непрочитанным.

Станция «Перевод» вращалась над ночной стороной Земли. Семь лет назад её собрали вокруг первого элларийского корабля, не сумевшего войти в атмосферу. Теперь к старому центральному кольцу приросли дипломатический сектор, лаборатории, гостиницы и галерея с сувенирами «Я пережил межвидовой перевод». Вера видела станцию с Земли десятки раз — яркую точку, проходившую над рекой, — и впервые почувствовала к ней неприязнь. С такого расстояния любой дом превращался в имущество на карте.

Майя встретила её у шлюза. Вживую она казалась выше и уставшей. Форменный жакет сменился рабочей курткой, волосы были собраны безупречно, а под левым глазом темнел след бессонной ночи.

— Добро пожаловать, — сказала она. — Простите за обстоятельства.

— Вы их организовали?

— Нет.

— Тогда извинение не принимается.

На мгновение уголок рта Майи дрогнул.

— Справедливо.

Она не протянула руку. Вера оценила это сильнее, чем вежливость: после реакции архива любое прикосновение могло оказаться не жестом, а процедурой.

Капсулу перевезли в круглую комнату без окон. В центре стоял низкий стол, разделённый тонкими световыми полосами на четыре сектора. На стенах не было камер — по крайней мере видимых. За прозрачной перегородкой расположились техники и трое юридических наблюдателей.

Эллари ждали у противоположной двери.

Саэл был примерно одного роста с Верой, хотя суставы его длинных рук находились не там, где человеческий взгляд ожидал увидеть локти. Кожа отливала влажным серебром. На

тёмной одежде у груди мерцали три нити — знак рода или должности. Его лицо почти не менялось, но пальцы непрерывно касались друг друга, складывая быстрые фигуры.

Иона Тесс была ниже и старше. Возраст эллари Вера определяла плохо, однако серебро её кожи стало матовым, а движения — экономными. На шее висел плоский круг из того же дымчатого материала, что и капсула.

Переводчик передавал их речь с задержкой в полсекунды и странным двойным тембром.

— Продолжательница Галины, — произнесла Иона. — Ты пришла без старших своего дома.

— Я пришла как получательница объекта. Моя мать не давала согласия представлять её.

— Значит, ты не говоришь за дом.

— Именно.

Иона повернула голову к Майе.

— Она отказывается от дома?

— Нет, — ответила Вера раньше переводчицы. — Я отказываюсь присваивать чужие голоса.

Пальцы Саэла на миг замерли.

— Хорошая формула, — сказал он. — Проверим, переживёт ли она потерю.

Он шагнул к столу.

— В архиве маршрут исхода моего рода. Без него сто двадцать восемь живых не могут доказать право возвращения и найти отделённую семью. Я требую открыть запись.

— Вы знаете, что именно запросить?

— Координаты.

— А цена?

— Цена уже уплачена Авиаром.

Иона резко сложила пальцы у груди. Переводчик промолчал, но жест явно был возражением.

— Цена запроса уплачивается теми, кто спрашивает, — сказала она. — И теми, о ком спрашивают. Таков дом памяти.

Денис вошёл без стука в сопровождении юриста комиссии.

— Прекрасно, все в сборе. Вера, прежде чем начнётся фольклор, нам надо закрепить права человеческой стороны.

Он положил перед ней планшет.

— Компания «Волков Аналитика» берёт расходы на экспертизу, защиту и патентование безопасного интерфейса. Тебе — сорок процентов чистой лицензии как первичной получательнице. Двадцать — семейному фонду. Остальное инвесторам и разработчикам.

— Каким разработчикам?

— Которых мы наймём.

— Что они разработали?

— Пока ничего. Поэтому им и придётся платить.

— Ты предлагаешь разделить доход от вещи, природу которой мы не установили, с людьми, которых ещё нет.

— Я предлагаю не ждать, пока государство назовёт семейную собственность культурным достоянием и заберёт бесплатно.

Саэл дождался перевода и приблизился к Денису. Его пальцы сложились в фигуру, похожую на сомкнутую клетку.

— Этот человек продолжал обязанность Галины?

— Этот человек продолжает монетизировать фамилию, — сказала Вера.

— Клевета, — мягко заметил Денис. — Я монетизирую возможности.

Иона положила ладонь на свой нагрудный круг. Он раскрылся тонким веером пластин.

— Вы все называете родство так, будто оно лежит в теле, — произнесла она. — Архив Аэссы не считает рождение достаточным. Рождение открывает возможность быть обязанным. Только исполненная забота делает ветвь действительной.

— Определите заботу, — потребовала Вера.

— Действие, которое сохраняет возможность чужого продолжения и принимается без изъятия чужой воли.

— Кем подтверждается действие?

— Тем, о ком заботились. Свидетелем. Последствием. Иногда — ущербом, который принял заботящийся.

— Намерение учитывается?

— Намерение не кормит ребёнка и не удерживает воздух.

— Кровное родство?

— Может быть свидетельством повторяющейся заботы. Может не значить ничего.

Вера вынула рабочий блокнот. На первой странице написала: «Не родство = право. Родство = доказанная цепь ответственности». Ниже: «Не выяснено: кто оценивает достаточность, можно ли отказаться, можно ли утратить признание».

— Значит, Денис не получает права только потому, что наш общий предок записан в метрической книге.

— И ты не получаешь, — сказала Иона.

— Меня это устраивает.

— Пока архив выбрал тебя.

— Он назвал меня продолжательницей. Я не знаю, что вложено в слово.

— Поэтому нужен запрос, — вмешалась Майя. — Узкий, процедурный и согласованный обеими сторонами. Не о маршруте. Сначала следует установить, кого архив признаёт участниками и на каком основании.

Саэл повернулся к ней.

— Ты говоришь как распорядитель.

— Я веду предварительное примирение до слушания.

— Твоя линия уже коснулась архива.

В комнате стало тихо. Майя не отвела взгляда.

— Реакция зафиксирована. Её значение не установлено.

— Удобно, — сказал Денис. — Комиссия прислала собственного наследника и теперь предлагает нам довериться комиссии.

— Если подтвердится мой личный интерес, я заявлю отвод.

— После того как узнаете содержимое?

— До любого содержательного запроса.

Майя сказала это без нажима, но Вера услышала в формулировке заранее принятое решение. Значит, Майя допускала связь не меньше остальных. Возможно, знала о ней.

— Сейчас вы должны отойти от стола, — сказала Вера.

Майя отступила сразу.

Это тоже было ответом, хотя не на главный вопрос.

Юристы спорили сорок минут. Комиссия хотела формулировку, которая не затронет содержимое. Иона утверждала, что вопрос о принадлежности уже является содержанием. Саэл соглашался на процедуру лишь при условии, что она не уменьшит число оставшихся ответов. Денис требовал признать всех потомков Галины единой человеческой ветвью и выдать ему копию протокола для инвесторов.

Вера слушала, пока не поняла, что каждый предлагает архиву назвать победителя. Даже Майина нейтральная формула — «перечислить допущенных представителей» — превращала его в регистратора прав.

— Мы спрашиваем не тех, кто имеет право получить, — сказала Вера. — Мы спрашиваем, кто уже несёт обязанность.

Иона посмотрела на неё внимательнее.

— Продолжай.

— Формулировка: «Покажи последнее подтверждённое действие, из-за которого Галина назвала продолжателя». Одно действие. Без оценки остальных претендентов. Без маршрута и технологии.

— Оно откроет скрытое, — предупредила Иона.

— Чьё?

— Каждой ветви, которая согласится присутствовать.

Саэл провёл большим пальцем по трём нитям на груди.

— Моей семье нужен маршрут, а не человеческая добродетель.

— Без установленного продолжателя вы не откроете ничего законно, — сказала Вера. — Если получите координаты силой, кто поверит, что вы имеете право вернуться?

Переводчик закончил фразу. Пальцы Саэла медленно раскрылись.

— Я соглашусь, если первой скрытой записью будет моя.

— Почему?

— Потому что требую большего.

Иона обозначила согласие коротким касанием подбородка.

Денис поднял руку.

— Я не соглашался раскрывать семейные сведения.

— Тогда отойдите за перегородку, — предложила Вера.

— И потерять место в ветви?

— Только вы можете решить, что вам дороже: место или тайна.

Он долго смотрел на капсулу. Потом отправил планшет юристу и остался.

Протокол занял ещё двадцать минут. Каждый вслух подтвердил, что понимает взаимность запроса. Майя не участвовала и стояла у стены. Технические датчики перевели в пассивный режим. Иона раскрыла свой нагрудный круг и положила рядом с капсулой; две поверхности соединились серебряной нитью.

Вера положила ладонь в выемку.

— Покажи последнее подтверждённое действие, из-за которого Галина назвала продолжателя.

Капсула потеплела.

Комната исчезла не сразу. Сначала погасли световые полосы на столе. Затем стены отступили, и Вера оказалась в бабушкиной кухне — прежней, до ремонта, с жёлтым холодильником и клеёнкой в мелких синих цветах.

Галина сидела у окна спиной к ним. Ей было около шестидесяти. Перед ней стоял радиоприёмник с открытым корпусом. Из динамика шёл тихий треск, а между помехами повторялась последовательность тонов.

В комнату вошла Вера — десятилетняя, сердитая, в школьной форме. Видеть себя изнутри чужой памяти оказалось почти физически больно.

— Баб, мама опять дежурит. Она обещала прийти.

Галина выключила паяльник.

— Обещала — значит, хотела. А прийти не смогла. Это разные проступки.

— Ты всегда её защищаешь.

— Нет. Сегодня я кормлю тебя ужином. Защищать её будем завтра, если понадобится.

Галина достала из холодильника кастрюлю, поставила на плиту и, проходя мимо приёмника, едва заметно убавила громкость. Детская Вера вытащила тетрадь.

— Нам задали семейное дерево. Я не буду рисовать папу.

— Не рисуй.

— Учительница сказала, так нельзя.

— Пусть позвонит мне. Дерево должно показывать тех, рядом с кем тебе есть место, а не тех, кого удобнее подписать.

Галина положила перед внучкой чистый лист и нарисовала не ствол, а несколько соединённых кругов.

— Начни с тех, кому ты можешь позвонить ночью.

Детская Вера первой написала «бабушка». Потом — «мама». Долго думала и добавила соседку Зою, подругу Ксюшу и школьного сторожа, который чинил ей велосипед.

За окном было темно. Радиоприёмник повторил три тона. Галина ответила ему едва слышным свистом, не переставая помешивать суп.

Изображение застыло.

— Подтверждение, — произнёс голос архива без направления и пола. — Получившая заботу построила связь по этому правилу многократно. Продолжение принято.

Вера успела понять, что архив наблюдал за её работой, прежде чем кухня раскололась.

На месте окна возникло другое небо — фиолетовое, пересечённое светлой дугой планеты. Саэл стоял перед старшим эллари, положив на пол три нити со своей одежды.

— Я сказал им, что Авиар вернулся, — произнёс он. — Я видел запись.

— Ты видел ребёнка у человека, — ответил старший. — Ты не видел возвращения.

— Если я признаю ошибку, совет отнимет у меня право искать.

— Если не признаешь, поведёшь семью по выдуманному маршруту.

Саэл поднял нити и снова закрепил их на груди.

— Тогда пусть право останется у меня до доказательства.

Запись оборвалась.

Саэл отшатнулся от стола. Его пальцы сжались так сильно, что суставы потемнели.

— Это было до прибытия, — сказал он. — Я исправил заявление.

— После того как получил доступ к земным материалам, — тихо заметила Иона.

— Ты знала?

— Я знала о заявлении. Не знала, что сомнение было раньше.

Капсула не погасла.

Над ней появилась третья сцена. Денис сидел в автомобиле у дома Ларисы и говорил по связи:

— Медицинская доверенность не нужна. Мне достаточно, чтобы она подписала согласие на оцифровку семейного архива. Нет, о внеземном носителе не упоминай. Скажи, это для родословной.

Денис побледнел.

— Это незаконная запись.

— Ты согласился на раскрытие, — напомнила Вера.

— Я согласился на семейные сведения, а не на коммерческую тайну.

— Ты пытался получить мамину подпись обманом?

— Я пытался защитить актив, пока ты проверяла курьера по реестру.

Архив показал последнюю сцену.

Молодая Галина стояла у радиопульта. Рядом находилась другая женщина, лица которой Вера не видела: только руки на клавишах и тёмную косу через плечо. На стене горела схема созвездий, не совпадавшая с земным небом.

— Если нас найдут, скажем, что это помеха, — произнесла Галина.

— Тебе поверят. Мне — нет.

— Тогда называй меня первой.

Женщина коснулась её плеча.

— Ласточка, ты всё ещё думаешь, что первой должна быть виноватая.

— А ты всё ещё думаешь, что можно спасти всех и не назвать своего имени.

В записи что-то изменилось: не изображение, а ощущение наблюдавшего. Архив словно хотел показать лицо второй женщины, но не получил разрешения. Контуры рассыпались серебряной пылью.

— Скрытое имя принадлежит отсутствующей ветви, — сказал голос. — Доступ не подтверждён.

Капсула остыла.

Вера убрала ладонь. На коже остался тонкий серебряный след, исчезнувший через несколько секунд.

Никто не заговорил сразу.

Запрос ответил на их вопрос. Архив признал Веру не за кровь и даже не за один давний ужин. Он связал бабушкино правило с сотнями её собственных решений: восстановленными именами, найденными родственниками, отказами выдать желаемое за доказанное. От этого признание не стало приятнее. Напротив, теперь оно было похоже на счёт за всю жизнь, который выставили без предупреждения.

Саэл первым нарушил тишину.

— Моя скрытая запись истинна. Я требовал право прежде, чем доказал путь.

— И остался? — спросила Вера.

— Да.

Это признание стоило ему видимо больше, чем речь перед комиссией.

Денис забрал планшет.

— Семейные эмоции закончились? Тогда напомним: подобные записи нельзя считать доказательством без установленной технологии получения.

— Зато твоё сообщение о доверенности можно проверить обычным способом, — сказала Вера.

— Проверяй. А моё предложение подешевеет после слушания.

— Оно уже ничего не стоит.

Денис вышел. Юрист поспешил за ним.

Иона закрыла свой круг.

— Архив назвал тебя продолжательницей, но не хозяйкой. Запомни различие.

— Я записала.

Вера повернулась к Майе. Та всё время стояла у стены, вне светового сектора, однако финальная запись принадлежала не Саэлу и не Денису. Архив показал тайну отсутствующей ветви — той, к которой тянулась вторая линия.

— Вы узнали позывной? — спросила Вера.

Майя ответила после короткой паузы:

— Нет.

Слишком точный вопрос позволил слишком короткую ложь.

— Тогда я найду того, кто узнает.

— Вера Андреевна, до следующего запроса нужно оформить ограничения.

— Следующего запроса не будет, пока я не пойму, кто такая Ласточка.

Она забрала блокнот. На верхней строке под определением родства написала новое имя. «Ласточка».

И рядом — имя человека, к которому повернулась оборванная линия.

Майя Рен.

Глава 3. Позывной «Ласточка»

Тимур Агеев ответил на вызов словами:

— Если ты снова нашла незаконнорожденного прадеда, положи его в папку до утра.

— Я нашла бабушку в протоколах тайного контакта.

Он помолчал.

— Прадед был удобнее.

Через двадцать минут его лицо появилось на стене переговорной. Тимур сидел в домашней футболке перед тремя экранами и уже просматривал присланную Верой стенограмму.

— Начнём с плохого, — сказал он. — Позывной сам по себе ничего не доказывает. «Ласточек» в радиоклубах были сотни.

— В записи была карта неземного неба.

— Тогда плохое становится дорогим. Журналы ранней комиссии закрыты на семьдесят пять лет. Радиолaborатория, где работала Галина, после Контакта вошла в перечень режимных объектов задним числом.

— Можно закрыть сведения задним числом?

— Нельзя отменить прошлое. Можно очень убедительно запретить о нём рассказывать.

Майя стояла у двери, не входя. После запроса она распорядилась изолировать капсулу и принесла Вере временный пропуск в гостиничный сектор.

— Комиссия может запросить журналы, — сказала она.

— Вы уже запросили? — спросила Вера.

— Подала ходатайство до нашего знакомства.

Тимур поднял брови.

— На каком основании?

— По совпадению сигнальных последовательностей в архиве с материалами первого расследования.

— И не сообщили получателнице объекта?

— Материалы закрыты. Я не имела права подтверждать их существование.

— Зато имели право задавать направление поиску, не раскрывая своей заинтересованности?

Майя выдержала его взгляд.

— Поэтому завтра я заявлю отвод.

— Завтра поздно, — сказала Вера. — Архив указал на вас сегодня.

— Реакция архива не является юридическим доказательством родства.

— А человеческим?

Майя не ответила.

В этот момент терминал сообщил о попытке активного сканирования из соседнего лабораторного блока. На схеме безопасности вокруг хранилища вспыхнула красная дуга.

Майя коснулась связи на запястье.

— Перекрыть шестой коридор. Носитель не перемещать. Все активные приборы отключить.

— Чья лаборатория? — спросила Вера.

— Арендванная подрядчиком «Волков Аналитики».

— Денис быстро нашёл разработчиков.

— Он нашёл их до доставки капсулы.

Вот почему заявление появилось раньше, чем Вера узнала о наследстве.

Майя потребовала включить её в срочное заседание комиссии. На стене открылись окна с лицами дежурного судьи, начальницы хранения и представителя станции. Денис подключился через адвоката и заявил, что фирма тестировала обычный спектрометр.

— В обычном спектрометре не бывает направленного импульса к изолированному объекту, — сказала Майя. — Прошу временно запретить любое активное исследование капсулы до слушания.

— Это уничтожит возможность независимой экспертизы, — возразил адвокат.

— Нет. Это запретит вмешательство. Пассивное наблюдение и осмотр останутся доступны всем сторонам.

— Комиссия заинтересована в содержимом.

— Поэтому моё ходатайство должно быть рассмотрено до принятия отвода. После него я не смогу обеспечить немедленную защиту.

Майя говорила спокойно и точно, перечисляя частоты импульса, риск расходования ответов и отсутствие согласия признанных ветвей. Она не просила доверять ей. Она оставляла проверяемые основания.

Судья ввёл запрет до первого слушания. Майя передала полномочия заместителю и вслух отметила собственный конфликт интересов в протоколе.

— Теперь журналы вам не дадут, — сказал Тимур, когда заседание закончилось.

— Официально — нет, — ответила Вера. — Но у лаборатории были сотрудники.

Она снова позвонила матери.

На этот раз Лариса приняла вызов. За её спиной белела больничная стена.

— У меня семь минут, — сказала она. — И если ты собираешься обвинять меня в молчании, уложись в пять.

— Бабушкин позывной был «Ласточка».

Лариса закрыла глаза.

— Где ты это услышала?

— В архиве. Кто работал с ней на радиостанции?

— Не знаю.

— Мам.

— Мне было девять, когда это закончилось.

— Но ты знала позывной.

— Она подписывала им записки. Глупая семейная игра.

Вера показала кадр восстановленной сцены: спина второй женщины, тёмная коса, руки на клавишах.

Лариса отвернулась.

— Я не знаю её лица.

— А имя?

— Вера, оставь мёртвых в покое.

— Мы не знаем, что она мертва.

Мать посмотрела резко. Ошибка длилась долю секунды, но этого хватило.

— У тебя было письмо, — поняла Вера.

— Было.

— Где оно?

— Я сожгла его после смерти мамы.

Тимур перестал печатать. Майя у двери побледнела.

— Чьё письмо?

— Женщина не назвала фамилию. Подписалась Ниной. Просила передать ей приёмник и писала, что обещание Галины выполнено не до конца.

— Почему ты уничтожила его?

— Потому что всю жизнь делила мать с голосами в закрытой комнате. После её смерти я хотела получить хотя бы вещи без очередного тайного родственника.

Гнев Веры поднялся мгновенно и так же быстро наткнулся на усталое лицо матери.

— Ты лишила нас доказательства.

— Да.

Лариса не оправдывалась, и от этого обвинять её стало труднее.

— Конверт сохранился?

— В коробке с документами. Я оторвала марки для тебя. Ты тогда собирала старые выпуски.

Вера вспомнила альбом, который не открывала двадцать лет: марки, приклеенные за уголок, бабушкины пояснения карандашом. Не доказательство содержания, но дата, штемпель и, возможно, адрес отправителя.

— Не выбрасывай больше ничего.

— Не превращай меня в обвиняемую только потому, что архив умеет красиво показывать прошлое.

— Я не превращаю.

— Уже превращаешь. У тебя голос Галины, когда ты уверена, что правда важнее человека.

Связь оборвалась по больничному сигналу. Вера осталась смотреть на пустое окно.

— Она права? — спросила Майя.

— Это не ваше дело.

— Да.

Майя приняла границу без обиды. Вера почти хотела, чтобы она возразила.

Тимур получил от неё доверенность на осмотр домашнего архива и через час уже стоял в квартире Веры перед камерой. Альбом нашёлся в нижнем ящике шкафа. Марка была стандартной, земной, выпущенной за два года до публичного Контакта. Штемпель принадлежал Светлояру. На обороте уголка сохранились три буквы карандашом: «Н. Р.».

— Этого мало, — сказал Тимур.

— Ищи записи радиоклуба.

— Закрытые?

— Не государственные. До лаборатории они занимались гражданскими сеансами.

Старый городской радиоклуб оцифровал членские карточки, но поисковая система распознала половину рукописных полей как названия овощей. Тимур скачал разрешённый каталог, Вера построила выборку по датам дежурств Галины. Они проверяли строки вручную: позывной, фамилия, частота, подпись второго оператора.

В три часа ночи нашлась смена, которой официально не существовало. В графе сигнала стояло «атмосферная помеха». В графе операторов — Г. П. Ланская и Н. А. Рен. Последняя цифра времени была исправлена, а поверх подписи поставлен штамп поздней комиссии.

— Рен, — сказал Тимур. — Совпадение может быть случайным.

Вера повернула экран к Майе.

— Нина Рен.

Майя села. До этого Вера не видела, чтобы она делала хоть одно лишнее движение.

— Это имя сестры моего отца.

— Вы сказали, что не узнали позывной.

— Позывной — нет.

— Но женщину в записи?

— Я никогда её не видела. В семье говорили, что Нина погибла в экспедиции до моего рождения.

— И вы не сочли нужным сообщить, что ваша родственница работала с Галиной?

— Я не знала этого до закрытого расследования.

— К которому получили доступ как дипломатка.

— Да.

— Когда?

— Одиннадцать месяцев назад.

Вера почувствовала не торжество найденного ответа, а холодную ясность.

— Вы приехали к архиву, уже зная имя Нины.

— Я приехала по делу, в котором могла оказаться моя семья. Поэтому ограничила свои действия процедурой и подготовила отвод.

— Подготовили. Но не заявили до активации.

— Архив доставили раньше срока. Я решила сначала обеспечить его безопасность.

— Решили за всех.

Майя опустила взгляд.

— Да.

Одно честное слово не исправляло одиннадцать месяцев молчания.

Терминал прислал подписанное постановление: активное сканирование запрещено, оборудование Дениса опечатано, материалы переданы независимому эксперту. Последнее действие Майи в должности защищало архив от коммерческого захвата. Оно же не давало ей права оставаться рядом как нейтральной стороне.

— Завтра заявите отвод, — сказала Вера.

— Через четыре часа.

— После этого передадите мне все записи, к которым законно можете открыть доступ.

— Передам комиссии. Вы получите их на равных с Саэлом и Денисом.

Даже сейчас Майя не предложила Вере тайного преимущества.

— А семейные сведения?

— Их решает моя семья, не я одна.

Архив в соседнем хранилище отозвался коротким серебряным импульсом. Сигнал прошёл через пассивные датчики и погас.

Вера закрыла каталог радиоклуба. Они нашли вторую операторку, но вместе с именем получили новую границу: государственная тайна, семейное молчание и право живых не отдавать прошлое тому, кто первым задал правильный вопрос.

На экране остались две подписи.

Галина Ланская — «Ласточка».

Нина Рен — женщина, которую обе семьи заранее записали в мёртвые.

Глава 4. Конфликт интересов

В четыре утра станционное утро отличалось от ночи только ценами в автоматах. За кофе просили столько, будто зёрна выращивали снаружи корпуса, поливая их кислородом из личного баллона.

Вера купила две чашки и одну поставила перед Майей.

— Это не знак примирения, — сказала она.

— Я поняла по отсутствию сахара.

— Я не знаю, сколько вы кладёте.

— Именно.

Майя не притронулась к чашке. На столе перед ней лежало заявление об отводе — восемь коротких абзацев, в которых одиннадцать месяцев семейной тайны превращались в даты, номера доступа и перечень решений. Вера прочла документ дважды. Майя указала, когда узнала имя Нины Рен, какие закрытые материалы видела и почему согласилась сопровождать архив. Отдельной строкой признала, что не раскрыла возможную личную заинтересованность до активации капсулы.

Ни слова о благих намерениях.

— Вы могли написать, что предотвращали ущерб, — заметила Вера.

— Это есть в протоколах моих действий.

— А здесь?

— Здесь вопрос не в том, хорошо ли я работала. Вопрос в том, имела ли я право работать по этому делу.

— И какой ответ?

Майя подписала заявление.

— После того как узнала фамилию Нины, — нет.

Тимур, подключённый с Земли, кашлянул в микрофон.

— Редкий случай, когда юристу нечего исправить. Я сохраню запись, чтобы пересматривать в тяжёлые дни.

На заседание отвели малую комнату связи. За прозрачной перегородкой уже ждали начальница хранения, представитель межвидовой комиссии и новый куратор дела Павел Ордынцев. На общем экране появились Саэл, Иона Тесс, Денис и трое юристов, которых Денис, кажется, размножал почкованием.

Ордынцев начал без приветствия:

— Госпожа Рен, подтверждаете изложенные обстоятельства?

— Подтверждаю.

— Считаете ли вы решения, принятые вами по архиву, недействительными?

— Это должна решить комиссия. Я передала полный журнал действий. Прошу отдельно сохранить запрет на активное сканирование: его основания проверяемы и не зависят от моей личности.

Адвокат Дениса немедленно поднял руку.

— Основания собраны заинтересованным лицом.

— Частотный импульс зафиксировали четыре независимых датчика, — ответила Майя.

— Схема прибора изъята. Мои родственные связи не меняют направление излучателя.

— Но могли повлиять на оценку риска.

— Поэтому оценку повторит эксперт, назначенный без моего участия.

Вера ждала, что Майя станет защищать себя, и злилась, когда этого не происходило. Защищаться было бы проще для обеих: обвинение получило бы ясную цель, обида — достойного противника. Вместо этого Майя методично разбирала собственные полномочия, как раз-

бирают аварийную конструкцию: отмечала детали, которые можно оставить, и те, на которые больше нельзя опираться.

Ордынцев спросил:

— Почему вы не заявили конфликт одиннадцать месяцев назад?

— Закрытое расследование не установило связь Нины Рен с объектом. Совпадала только фамилия в повреждённом фрагменте. Я запросила внутреннюю проверку и получила заключение, что оснований для отвода нет.

— Вы согласились с заключением?

— Да. Это было ошибкой.

На экране лицо Дениса стало почти сочувственным.

— Не слишком ли удобная ошибка? Вы сохранили доступ, первой встретили капсулу и оказались рядом, когда она выбрала госпожу Ланскую.

— Архив не выбирал меня при доставке.

— Пока не выбирал.

Саэл повернул голову. Радужные пластины у его виска потемнели.

— Человек Волков говорит так, будто признание можно дожидаться возле нужной двери.

— Я говорю, что госпожа Рен получила преимущество.

— Получила, — сказала Майя. — Поэтому передаю его вместе с должностью.

Она сняла служебный браслет и положила на стол. Маленький экран погас. Дверь за её спиной тут же перестала считать её своей: зелёный знак доступа сменился жёлтым гостевым.

Ордынцев зачитал решение. Отвод принят. Все материалы, которых касалась Майя, подлежат независимой проверке. До её окончания она не участвует в заседаниях комиссии, не получает закрытые данные и не представляет ни одну сторону. Постановление о запрете активного воздействия остаётся в силе на основании показаний датчиков.

В конце он добавил:

— Госпожа Рен обязана покинуть служебный сектор в течение двух часов.

Только тогда Майя взяла чашку. Кофе давно остыл.

— Всё? — спросила Вера.

— Для дипломатки — да.

— А для племянницы Нины?

Майя посмотрела на неё поверх края чашки.

— Для племянницы всё только началось. Но она не имеет доступа к материалам дипломатки.

После заседания Ордынцев вызвал Веру отдельно. Он был старше Майи, говорил мягче и каждую фразу снабжал таким количеством оговорок, что она переставала что-либо обещать.

— Вам предоставят документы, допустимые к раскрытию признанной ветви, — сказал он.

— Когда?

— После классификационной проверки.

— Сколько она длится?

— В обычном порядке до шестидесяти дней.

— Слушание через десять.

— Девять. Наступили новые сутки.

— Значит, вы предлагаете спорить об архиве раньше, чем я узнаю, почему моя бабушка в нём оказалась.

— Я ничего не предлагаю. Я описываю процедуру.

За его плечом сотрудница переносила данные с терминала Майи в закрытое хранилище. Каждый файл получал новый номер и исчезал из рабочего каталога.

— У Майи Рен были копии? — спросила Вера.

— Служебные материалы копировать запрещено.

— А личные записи?

Ордынцев сделал паузу.

— Их статус определяет владелец, если они не содержат закрытых сведений.

В гостиничном секторе Майя складывала вещи в узкую серую сумку. Вера ожидала увидеть форму, дипломатические знаки, хотя бы платье для официального ужина. В сумке лежали две одинаковые рубашки, дорожная аптечка и бумажная книга с закладками из посадочных талонов.

— Вы пришли обыскать меня? — спросила Майя.

— Узнать, что вы можете передать без комиссии.

— Уже собрала.

Она протянула Вере прозрачную пластину памяти.

— Здесь открытые версии всех документов, которые я использовала до доставки. Публичные сводки, каталожные карточки, мои запросы без ответов закрытого уровня. К каждому файлу приложена контрольная сумма и ссылка на источник.

Вера вставила пластину в терминал. Двадцать семь папок. Хронология начиналась одиннадцать месяцев назад, в день, когда Майя увидела фамилию Нины, и заканчивалась вчерашним ходатайством о запрете сканирования.

— Вы подготовили это до отвода.

— Да.

— Значит, заранее знали, что архив вас узнает.

— Нет. Знала, что вы можете потребовать равного доступа. И что будете правы.

— Равного? Саэл и Денис получают то же самое?

— Файлы уже у Ордынцева с письменным согласием на передачу всем заявленным сторонам.

Вера вытащила пластину.

— Даже Денису.

— Равенство неприятно именно тогда, когда работает.

— Вы оставили себе что-нибудь?

— Семейное.

— Что именно?

— Письма отца о Нине. Фотографии. Его догадки о том, почему она не вернулась. Я не отдам их без его согласия.

— Но они могут доказать связь.

— Могут.

— И вы всё равно отказываетесь?

— Пока — да.

Вера почувствовала знакомое раздражение. Перед ней стояла закрытая дверь, а вся её профессия состояла в поиске ключей. За дверью могло быть объяснение Галины, история Нины, право на маршрут. Или всего лишь чужая боль, которую удобно объявить доказательством.

— Вы скрыли конфликт, — сказала она. — Теперь снова выбираете, что мне знать.

— Я выбираю только за себя. За отца выбирать не стану.

— Очень точная граница после одиннадцати месяцев неточности.

— Да.

Майя застегнула сумку. Ни оправдания, ни встречного обвинения.

— Вы можете хотя бы объяснить, почему молчали?

— Могу. Но объяснение прозвучит как просьба признать мои причины достаточными.

— А они не были достаточными?

— Для меня тогда — были. Для вас не обязаны.

Эта сдержанность казалась очередным способом управлять разговором. Вера хотела услышать историю: страх за отца, старую семейную рану, приказ начальства. Хотела проверить, где Майя преувеличивает, где недоговаривает, где пытается выглядеть благороднее. Майя не дала ей материала даже для этого.

— Прекрасно, — сказала Вера. — Значит, дальше каждая работает сама.

— Вероятно.

— Вы не будете просить доступ к архиву?

— Как родственница — могу просить. Как признанная ветвь — пока нет.

— Архив отзывался, когда называли Нину.

— Он отзывался на факт. Согласия я ему не давала.

Слово прозвучало почти вызывающе. Вера вспомнила, как легко сама коснулась капсулы в первый день, не зная цены запроса. Ей предоставили выбор только формально: посылка уже находилась перед ней, вокруг стояли свидетели, все ждали ответа.

— И не дадите?

— Не в комнате, где мой отказ сочтут препятствием государственной комиссии.

Станционная система объявила, что гостевой пропуск Майи будет ограничен через тридцать минут. Она подняла сумку.

— Куда вы теперь?

— В общий жилой сектор. До первого шаттла на Землю.

— Улетаете?

— Если останусь рядом без ясной роли, любое ваше решение будут связывать со мной.

Вера должна была испытать облегчение. Вместо этого ей представился архив под охраной Ордынцева, шестьдесят дней классификационной проверки и Денис с тремя юристами.

— Подождите до осмотра капсулы, — сказала она.

Майя не двинулась.

— Это просьба признанной ветви или желание сохранить удобного специалиста без полномочий?

— Второе звучит честнее.

— Тогда нет.

Отказ оказался спокойным и окончательным. Вера вдруг поняла, что именно так Майя слышала её требование передать все записи: законное по цели и слишком широкое по форме.

— Что нужно, чтобы вы остались?

— Правила, которые не меняются, когда нам срочно нужен ответ.

Они вернулись к хранилищу уже как посетительницы. Веру пропустили по статусу получательницы, Майю — только после письменного поручительства Веры и проверки сумки. Саэл и Иона находились в соседнем секторе; Дениса к ночному осмотру не допустили после инцидента со сканером, но его представитель наблюдал по связи.

Капсула лежала под прозрачным кожухом. Серебряные линии были тусклыми, словно объект тоже устал от человеческой процедуры.

Независимая экспертиза включила пассивные датчики.

— Никаких вопросов, — предупредила она. — Только визуальный осмотр. После реакции на имя Нины зафиксирован новый контур, но активации не было.

— Покажите, — попросила Вера.

На увеличенном изображении рядом с ветвью Галины появилась тонкая незамкнутая линия. Она тянулась к краю узора и обрывалась перед пустым знаком.

Иона приблизилась к стеклу.

— Ожидающее родство.

— Архив признал Майю? — спросил Ордынцев.

— Нет, — ответила хранительница. — Он допустил возможность подтверждения. Признание без согласия живого превратило бы заботу в захват.

— Как получить подтверждение?

— Майя Рен должна сама принять обращение архива.

Ордынцев повернулся к ней:

— В интересах расследования прошу коснуться считающей поверхности.

— Нет, — сказала Майя.

В комнате стало тихо.

— Отказ может задержать установление происхождения объекта.

— Поэтому он имеет смысл только до того, как станет удобным.

— Вы препятствуете комиссии?

— Я больше не сотрудница комиссии. Как частное лицо я не соглашалась на раскрытие семейных данных в общем протоколе.

Саэл склонил голову.

— Она говорит по правилу архива.

— Правило архива не заменяет земное право, — сказал Ордынцев.

— И земное право не создаёт её согласия, — ответила Вера.

Слова вырвались раньше, чем она успела решить, на чьей стороне стоит. Представитель Дениса потребовал занести отказ в материалы дела. Тимур через наушник шепнул:

— И твоё возражение тоже. Дословно.

Вера повторила его для протокола. Ордынцев прекратил осмотр.

В коридоре Майя задержалась у окна. За стеклом медленно поворачивалась Земля, слишком большая для вида и слишком далёкая для возвращения пешком.

— Спасибо, — сказала она.

— Я защищала процедуру.

— Разумеется.

— Не улыбайтесь.

— Я не улыбаюсь.

Уголок её рта действительно оставался неподвижным, что делало спор бессмысленным.

Тимур прислал Вере проект соглашения с названием «Частное взаимодействие лиц, которым следовало познакомиться при менее катастрофических обстоятельствах». Под ним стоял более скучный юридический заголовок.

— Он предлагает зафиксировать правила, — сказала Вера.

— Сейчас?

— Пока вы не улетели.

Они заняли стол в общем секторе. Вера открыла документ.

— Только сведения, которыми каждая вправе распоряжаться. Никаких служебных каналов. Никакой передачи третьим лицам без отдельного согласия.

— Право остановить любой запрос к архиву, — добавила Майя.

— Для признанной ветви.

— Для любого человека, чьи данные могут раскрыться.

— Тогда один дальний родственник остановит всё расследование.

— Нет. Он остановит раскрытие о себе. Не чужой вопрос целиком.

Вера внесла уточнение.

— Все выводы отделяем от фактов. Если вы предполагаете, что Нина жива, так и пишете: предположение.

— Согласна. Вы не используете молчание как доказательство вины.

— Это не всегда возможно.

— Тогда указываете альтернативные причины молчания.

— Вы сейчас редактируете мою профессию.

— Вы только что редактировали мою семью.

Вера посмотрела на неё. Впервые за ночь в голосе Майи появилась не усталость и не служебная ровность, а злость. Небольшая, хорошо удерживаемая, но настоящая.

— Справедливо, — сказала Вера.

Последним пунктом Тимур оставил пустую строку: цель сотрудничества.

«Установить истину» Вера удалила сразу. Истина была слишком большой и обычно принадлежала тому, у кого больше доступа.

— Найти законный способ исполнить обещание Галины и Нины, — предложила Майя.

— Мы ещё не знаем, было ли обещание общим.

— Тогда выяснить, какое обязательство они приняли, и кто вправе его продолжить.

Вера дописала:

— Без присвоения архива и без принуждения живых к раскрытию.

Они подписали документ электронными ключами. Майя отменила бронь шаттла.

— Это не возвращает доверие, — предупредила Вера.

— Доверие, которое возвращается подписью, ничего не стоило.

У хранилища снова сработал пассивный датчик. На этот раз серебряная линия замкнулась без прикосновения и без вопроса. В центре узора появился знак из двух дуг, обращённых друг к другу.

Иона прислала перевод одним сообщением:

«Ветвь услышала обращение и сохранила право ответить».

Архив не признал Майю наследницей. Не выдал её тайну. Не потребовал немедленного согласия.

Он просто оставил для неё место.

Вера перечитала их соглашение. В нём не было ни слова о симпатии, верности или семье. Только границы, обязанности и право сказать «нет».

Для начала этого оказалось достаточно.

Глава 5. Договор на полях

Утром Тимур прислал новую версию соглашения и двадцать три комментария.

Первый гласил: «Не называйте это договором на полях. Поля у документов закончились примерно тогда же, когда бумага».

Второй: «Если всё-таки назовёте, я потребую гонорар за литературную редактуру».

Остальные двадцать один были полезными.

Вера сидела в общей столовой станции, где завтрак удерживали на столе магнитные подносы, а посетителей — ремни на стульях. В кольцо искусственной тяжести снова проводили профилактику. Чашка медленно ползла к краю, и Майя каждые несколько минут возвращала её на место, не прерывая чтения.

— Пункт о праве остановки неисполним, — сказала Вера. — Если человек не знает, что окажется в ответе, он не может согласиться заранее.

— Поэтому согласие должно быть ступенчатым.

— Архив не показывает предварительный список тайн.

— Но вопрос формулируем мы. Можно согласовать круг допустимого раскрытия.

Вера открыла комментарий Тимура. Он предлагал перед каждым запросом составлять «карту затронутых лиц»: кто наверняка появится в ответе, кто может появиться, чьи сведения нельзя отделить от события. Для живых — отдельное согласие. Для умерших — минимизация раскрытия и представитель семейного интереса. Любой участник мог остановить процедуру до активации. После неё — потребовать закрыть часть ответа для публики, но не стереть запись.

— Мы превращаем один вопрос в неделю согласований, — сказала Вера.

— Да.

— У нас девять дней до слушания.

— Уже восемь с половиной.

— Вы специально считаете половины?

— Они существуют независимо от моего характера.

Вера передвинула чашку к Майе. Та вернула её одним пальцем.

— Первый запрос должен быть узким, — сказала Вера. — Нам нужно понять не содержание маршрута, а основание передачи архива Галине. Какое действие связало её с семьёй Авиара?

— Это затронет Галину, Авиара и, возможно, Нину.

— Все умерли или объявлены умершими.

— Нина объявлена. Это не одно и то же.

— Согласна. Запрос формулируем так, чтобы не требовать её личных действий.

— А взаимное раскрытие?

О цене архив предупреждал ясно: каждый ответ открывал скрытую запись обеих сторон. В прошлый раз Вера получила бабушкину сцену и вместе с ней — попытку Дениса обмануть Ларису. Никто не мог выбрать, какую именно тайну сочтёт связанной сам архив.

— Человеческую сторону представляю я, — сказала Вера. — На раскрытие о себе согласна. Если появится мама, остановить уже не сможем.

— Значит, сначала нужно её согласие.

Вера посмотрела на время. У Ларисы заканчивалась ночная смена.

— Она откажет.

— Это тоже ответ.

— Который оставит нас без доказательств.

— Не без доказательств. Без этого способа их получить.

Майя говорила спокойно, однако Вера уже различала оттенки её спокойствия. Службная ровность была гладкой, почти безличной. Сейчас в голосе слышалось усилие: Майя придерживалась правила, хотя боялась результата не меньше Веры.

— А ваша ветвь? — спросила Вера.

— Я согласна на раскрытие о себе. Отец должен решить отдельно.

— Архив ещё не признал вас.

— Тем более согласие ничего мне не гарантирует.

Они отправили карте участников Тимуру. Через минуту он ответил: «Добавьте эллари. Межвидовой этикет не освобождает от человеческой привычки забывать тех, кого нет в комнате».

Вера нашла Саэла у обзорной галереи. Он стоял спиной к стеклу и смотрел не на Землю, а на схему станции. Иона Тесс сидела рядом, сложив длинные пальцы на груди.

— Вы хотите спросить о принятии Авиара, — сказала она прежде, чем Вера успела открыть документ.

— Откуда вы знаете?

— Других причин признать Галину продолжательницей немного.

— Тогда назовите их.

— Если бы знала, архив не был бы нужен.

Саэл прочёл формулировку вопроса в переводе: «Какое добровольно принятое действие заботы создало связь Галины Ланской с Авиаром?» Его пластины у виска стали светлее.

— Вы спрашиваете о действии, не о чувствах, — сказал он.

— Чувства нельзя передать по наследству.

— У людей множество песен, утверждающих обратное.

— Песни не признаются судом.

— Тогда ваш суд беднее наших песен.

Иона не улыбнулась.

— Ответ откроет скрытую запись нашей стороны. Вы не знаете какую.

— Поэтому мы просим согласия, — сказала Майя.

— Просите у кого? Род Авиара рассеян. Я храню его имя, Саэл несёт кровь, старейшины приняли решение, которого мы не знаем.

— У всех присутствующих, — ответила Вера. — И фиксируем предел публикации. Полную запись увидят участники и независимые свидетели. В суд попадёт только то, без чего нельзя подтвердить статус архива.

Иона провела пальцем над пунктами соглашения, не касаясь экрана.

— Вы обещаете скрыть то, что окажется неудобным?

— Нет. Отделить доказательство от зрелища.

— Кто решит, где граница?

— Не я одна. Представитель каждой затронутой ветви и независимый хранитель протокола.

— Человек Ордынцев?

— Нет, — одновременно сказали Вера и Майя.

Саэл впервые позволил себе короткий звук, похожий на смех.

Тимур согласился стать земным свидетелем по связи. Эллари выбрали Тару Сенн, специалистку по архивному праву, не связанную ни с родом Авиара, ни с Ионой. Ордынцев потребовал официального наблюдателя и право получить весь ответ. Ему отказали в последнем и предложили заверенный извлекаемый фрагмент.

— Комиссия рассматривает происхождение объекта, — возразил он. — Мы не можем полагаться на семейный пересказ.

— Поэтому будет запись с контрольной суммой, — сказал Тимур. — Подлинность подтверждают два независимых свидетеля. Полный материал помещается на ответственное хранение до решения о режиме доступа.

— Правовая конструкция сомнительна.

— Отлично. У вас восемь дней, чтобы предложить менее сомнительную, не нарушающую согласия живых.

Ордынцев принял участие на этих условиях. Представителя Дениса допустили только как наблюдателя без права задавать вопрос. Сам Денис прислал Вере сообщение: «Семейные тайны становятся ценнее от упаковки. Не путай этику с отсутствием рынка».

Она сохранила его в папке доказательств и ничего не ответила.

Лариса вышла на связь из больничной раздевалки. Волосы у неё были ещё влажными после душа, на щеке отпечаталась складка маски.

— Я не стану трогать вашу капсулу, — сказала она, выслушав объяснение.

— Не нужно. Мы просим разрешение на запрос, в котором можешь появиться ты.

— Разрешение показать моё детство инопланетному суду?

— Не суду. Закрытой группе. В публичную часть попадёт только необходимое.

— Необходимое кому?

Вера открыла рот и закрыла. Правильный ответ зависел от того, кого считать владельцем вопроса.

— Чтобы понять, какое обязательство приняла бабушка. Не чтобы доказать что-то о тебе.

— А если архив решит иначе?

— Ты сможешь запретить публикацию личного фрагмента.

— Но вы его уже увидите.

— Да.

Лариса сняла серьги и положила в шкафчик. Одну, вторую, точно в углубления футляра.

— Вера, ты помнишь голос из старого приёмника?

— Какой голос?

— Значит, нет.

— Мам.

— Мне было восемь или девять. Ночью в мастерской кто-то говорил через бабушкин приёмник. Не по-русски. Высоко, с паузами. Я решила, что это ребёнок.

Вера включила запись разговора и получила подтверждение Ларисы. Правила требовали спрашивать до откровения, но нельзя было заставить человека отозвать уже произнесённое.

— Ты видела, с кем она разговаривала?

— Нет. Галина заперла дверь. Утром сказала, что мне приснилось.

— Почему раньше не рассказывала?

— Потому что до Контакта это звучало как болезнь. После — как основание отнять у неё жизнь и разобрать по протоколам. А теперь именно это вы и делаете.

— Мы можем не задавать вопрос.

Лариса посмотрела пристально.

— Ты действительно остановишься?

Вера почувствовала, как все восемь дней до слушания легли на одно короткое слово.

— Да.

Мать долго молчала.

— Тогда задавай. Но мой голос — не доказательство для публики. И если появится больница, моя работа или пациенты, запись закрывается полностью.

— Согласна.

— Запиши это не своим голосом Галины, а своим.

Вера прочла условия вслух. Тимур заверил согласие. Лариса отключилась, не попрощавшись, но и не потребовав уничтожить запись.

Перед процедурой каждый участник получил физическую кнопку остановки. Тимур настоял: сенсор на общем экране мог зависнуть, голосовая команда — не распознаться, а право без рабочего механизма было украшением.

Вера проверила свою кнопку. Майя — свою. Саэл и Иона держали элларийские пластины размыкания сигнала. За стеклом экспертка активировала только пассивную запись.

— Скрытых устройств нет, — сказала она после проверки помещения.

Майя сняла личный коммуникатор и положила в экранированный ящик. Остальные сделали то же. Представитель Дениса возмутился, но подчинился, когда Тара Сенн предложила исключить его из комнаты.

— Кто задаёт вопрос? — спросила Иона.

— Вера, — сказал Саэл. — Архив уже признал её действие.

— А вторую ветвь? — спросил Ордынцев.

Майя подошла к капсуле, но не коснулась её.

— Я принимаю обращение архива только для этого вопроса и только на условиях записанного соглашения. Моё согласие не распространяется на последующие запросы.

Серебряный знак из двух дуг раскрылся. Одна линия легла под ладонь Веры, вторая остановилась перед Майей, оставляя между кожей и поверхностью тонкий зазор.

— Он ждёт действия, — сказала Иона.

Майя положила ладонь на капсулу.

Свет прошёл вверх по её пальцам, но кожа не изменилась. Архив не ставил меток; только узнавал связь, которую ему позволяли проверить. Две линии соединились в центре.

Вера произнесла согласованный вопрос:

— Какое добровольно принятое действие заботы создало связь Галины Ланской с Авиаром?

Стены хранилища исчезли.

Вера увидела тесную комнату с низким потолком. Не воспоминание глазами Галины — скорее событие, собранное из света, звука и свидетельств самого архива. За окном лежал мокрый снег. На столе гудел разобранный приёмник. Молодая Галина держала обеими руками серебристую пластину размером с ладонь.

Из динамика донёсся голос. Высокий, прерывистый, точно таким его описала Лариса.

— Моя линия не отвечает, — перевёл архив. — Старшие закрыли путь. Нина ушла к передатчику и не вернулась.

Галина проверила частоту.

— Сколько у тебя воздуха?

— Я не знаю вашу меру.

— Покажи шкалу.

На пластине возникло кольцо, заполненное меньше чем на четверть. Галина быстро переписала значения, сверилась с таблицей и выругалась так, что архив заменил слово нейтральным звуковым провалом.

— Слушай меня, Авиар. Ты будешь выходить на связь каждые шесть минут. Между сеансами снижаешь расход. Я найду Нину или другой канал.

— Ты не моя линия.

— Сегодня буду.

Вера почувствовала не обещание, а длительность. Архив сжал часы в последовательность повторяющихся действий. Галина поддерживала связь. Рассчитывала кислород. Передавала Авиару земные детские задачи, чтобы тот не терял сознание: назвать пять звуков корабля,

сосчитать импульсы, описать дом. Когда сигнал слабел, она рассказывала Ларисе за дверью, будто чинит аппаратуру и скоро выйдет.

На шестом часу Галина получила сообщение от Нины. Та нашла аварийный ретранслятор, но старейшины эллари запрещали передавать координаты человеческой станции. Контакт считался причиной заражения рода чужой зависимостью.

— Они отклонили эвакуацию? — спросила Галина.

— Они закрыли маршрут, — ответила Нина. — Можно вывести одного ребёнка. Если я использую человеческий ключ, меня исключат из линии.

— Используй.

— Ты не вправе решать мою цену.

Галина замолчала. Потом сказала:

— Верно. Решай сама. Я останусь с Авиаром, что бы ты ни выбрала.

В этот миг архив выделил не слова, а отказ присвоить чужое решение. Нина могла отступить. Галина не превращала ребёнка в средство заставить её.

Нина активировала ключ.

Сигнал Авиара исчез на три мучительных вдоха и вернулся уже с другого передатчика. Вокруг него звучали взрослые голоса. Эвакуация началась.

— Назови принявшего обязанность, — попросил детский голос.

— Галина Ланская.

— Подтверждаешь продолжение, если моя линия отвернётся?

Галина посмотрела на закрытую дверь, за которой ждала её собственная дочь.

— Пока ты не сможешь выбрать сам.

Архив принял формулу. Серебряная пластина раскрылась в её руках, сохраняя маршрут, голоса и обязанность вернуть решение взрослому Авиару, а не его старейшинам.

Сцена погасла не полностью. Началась цена ответа.

На человеческой стороне маленькая Лариса сидела в коридоре, прижав ухо к двери мастерской. Она слышала голос Авиара и тихо повторяла незнакомые слова, стараясь запомнить. Галина вышла только утром, опустилась перед дочерью на колени и попросила никому не рассказывать о ночном разговоре.

— Даже папе?

— Особенно тем, кто захочет сделать из него оружие.

— А ребёнок вернётся?

— Если захочет.

Галина обняла дочь. Лариса не ответила на объятие.

Рука Веры легла на кнопку остановки, но Лариса дала согласие именно на этот круг воспоминаний. Боль от увиденного не была нарушением сама по себе. Вера оставила кнопку ненажатой.

На стороне эллари возник зал старейшин. Иона Тесс стояла там молодой — пластины у её висков были яркими и гладкими. Перед ней мерцал маршрут аварийного корабля. Старейшины приказали закрыть путь, потому что спасение человеческим ключом докажет: изгнанная линия выжила благодаря чужому виду.

— Ребёнок погибнет, — сказала молодая Иона.

— Ребёнок уже отделён от линии, — ответил старший.

— Он не выбирал отделения.

— Выбор старших сохраняет целое.

Иона склонила голову и исполнила приказ. Именно её рука погасила официальный маршрут. Нина нашла обход слишком поздно для остальных кораблей.

Саэл издал резкий звук. Его пластина размыкания треснула в пальцах.

— Остановить? — спросила Тара Сенн.

Иона смотрела на собственное прошлое.

— Нет.

— Подтвердите словами.

— Я согласна продолжить просмотр.

Архив показал последнее: после эвакуации Авиара Иона внесла в семейную запись ложную причину гибели остальных — техническую ошибку. Она сохранила власть старейшин ценой правды о маршруте.

Когда хранилище вернулось, никто не заговорил сразу.

Ордынцев первым потянулся к терминалу.

— Эта запись меняет статус объекта. Комиссии понадобится полная копия.

— Нет, — сказала Вера.

— Мы только что получили свидетельство первого контакта и решения представителей эллари.

— Вы получите заверенный фрагмент о принятии Галиной обязанности. Личная сцена Ларисы закрыта по её условию. Запись Ионы относится к элларийской стороне, решение за их представителями.

— Это сокрытие существенного доказательства.

— Существенного для чего? — спросил Тимур. — Для происхождения архива достаточно события передачи обязанности. Вина старейшин не подтверждает право Дениса на капсулу.

Саэл повернулся к Ионе.

— Ты знала.

— Я помнила решение, — ответила она. — Не знала, что архив сохранил моё действие.

— Разница существует только для того, кто надеялся не быть увиденным.

Он вышел, не дожидаясь заключения свидетелей.

Иона осталась. Её лицо почти не менялось, но радужные пластины потемнели до цвета пепла.

— Я согласна передать запись совету хранителей, — сказала она. — Не земному суду и не публичной сети.

— Саэл может потребовать её как представитель рода, — заметила Тара.

— Может.

— И тогда?

— Тогда я не стану оспаривать его право знать, что сделали с его семьёй.

Это не было раскаянием. Пока только отказом продолжать ложь.

Вера закрыла публичный доступ к сцене Ларисы и отправила матери короткое сообщение: «Твой голос подтвердился. Фрагмент закрыт. Бабушка поддерживала ребёнка по имени Авиар и приняла ответственность до его собственного выбора».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Я знала, что голос был настоящим. Не знала, почему она выбрала его за дверь вместо меня».

Вера перечитала строку и поняла цену человеческой тайны. Для архива шесть часов заботы создали родство. Для девятилетней Ларисы те же шесть часов стали временем, когда мать заперлась с чужим ребёнком.

Обе версии были правдой. Ни одна не отменяла другую.

Майя стояла у стола свидетелей и изучала заверяемый фрагмент.

— Нина добровольно использовала ключ, — сказала она. — Но архив не показал, что было дальше.

— Мы не спрашивали.

— И правильно сделали.

Это «правильно» не принесло облегчения. Они потратили один из ограниченных ответов и получили две семейные раны вместо готового решения. Зато теперь знали: Галина не нашла инопланетный клад. Она приняла дежурство рядом с испуганным ребёнком, пока тот не получил право выбирать сам.

Вера открыла их соглашение. На полях — вопреки замечанию Тимура — добавила:

«Правильный вопрос не делает ответ безопасным. Право остановиться проверяется до того, как станет известно, что мы потеряем».

Майя прочла запись и поставила рядом свои инициалы.

— Это уже не юридический текст, — сказала она.

— Зато исполнимый.

В коридоре Саэл ждал один. Увидев Веру, он поднялся.

— Люди спасли Авиара, — сказал он. — Мои старейшины оставили остальных.

— Решение приняли конкретные старейшины. Не весь ваш вид.

— Так говорят наследники, когда хотят оставить себе только честь предков.

— А вы чего хотите?

— Маршрут. Теперь — больше, чем раньше.

— Чтобы найти выживших или доказать вину?

Пластины у его висков вспыхнули.

— Вы получили свою запись и сразу требуете отчёта от меня.

— Нет. Я спрашиваю, какой вопрос вы собираетесь поставить перед архивом. Это разные вещи.

Саэл ушёл, не ответив.

На терминале появился запрос от Дениса на полный доступ к записи. Основание: как член человеческой семьи он якобы имел право оценить наследуемую ценность технологии.

Вера отклонила запрос. Через секунду пришёл новый — уже от его адвоката.

Майя посмотрела на экран.

— Первый договор выдержал меньше часа.

— Договор выдержал. Это люди проверяют, где у него край.

— И где он?

Вера закрыла окно с требованием Дениса.

— Там, где чужую заботу снова пытаются назвать своей долей.

Глава 6. Семейный совет

Семейный совет Денис назначил на одиннадцать утра и назвал «собранием правообладателей».

Вера переименовала встречу обратно.

— У нас нет установленного права собственности, — объяснила она в общем канале.

— Зато есть родство, — ответил Денис.

— У тебя с бабушкой общий прапрадед. Это не даёт права распоряжаться её обещаниями.

— Тогда почему даёт тебе?

Вопрос был неприятен тем, что не был глупым.

Лариса подключилась из дома. После ночной смены она спала меньше трёх часов и запретила Вере спрашивать, почему не отдыхает. Денис сидел в офисе под логотипом своей фирмы. Тимур представлял нотариального свидетеля, хотя заранее предупредил, что родственная ссора не становится юридическим событием только от присутствия юриста.

Майя осталась за пределами камер.

— Это ваша семья, — сказала она. — Если понадобятся сведения второй ветви, позовёте.

Вера оценила это не сразу. Ей было проще спорить, когда Майя сидела рядом и могла сухой фразой остановить Дениса. Но их соглашение запрещало превращать сотрудничество в постоянное присутствие при чужой уязвимости.

— Цель встречи, — начала Вера, — определить, на какие запросы человеческая ветвь согласна до слушания и какие части ответов допустимо передать суду.

— Цель встречи — не дать тебе единолично распоряжаться семейным активом, — поправил Денис.

Лариса поморщилась.

— Если ты ещё раз назовёшь голос ребёнка активом, я отключусь.

— Я называю активом носитель. Его содержимое может иметь культурную ценность.

— Культурная ценность не лежит в бухгалтерии, — сказал Тимур.

— Всё лежит в бухгалтерии, если правильно оформить.

Вера вывела на общий экран правила запросов. Карта затронутых лиц. Узкая формулировка. Раздельное согласие на просмотр и публикацию. Независимые свидетели. Право остановки до активации.

— Кто дал тебе право устанавливать эти условия? — спросил Денис.

— Никто. Поэтому я предлагаю согласовать их вместе.

— Архив признал тебя продолжательницей. Пользуйся преимуществом, пока эллари не нашли способ объявить всё своим.

— То есть ты признаёшь его правила, только когда они выгодны?

— Я признаю факты. Капсула доставлена Ланским. Ты — Ланская. Технология находится под земной юрисдикцией.

— На орбите.

— На станции, принадлежащей земному консорциуму.

Лариса потёрла переносицу.

— Галина не оставляла тебе ничего, Денис.

— И тебе не оставляла, если уж на то пошло. В завещании капсулы нет.

— Потому что она появилась спустя двадцать лет после её смерти.

— Именно. Значит, обычное наследование не работает. Нам нужна новая модель, и глупо делать вид, будто деньги автоматически её портят.

— Деньги не портят модель, — сказала Вера. — Они показывают, кто хочет получить выгоду раньше, чем принять обязанность.

Денис откинулся на спинку кресла.

— Ты всю жизнь продаёшь людям сведения об их семьях.

— Я продаю работу по поиску и проверке. Не найденных родственников.

— Удобное различие.

— Проверяемое. Клиент получает отчёт, но не право на человека из отчёта.

Вера открыла список возможных вопросов. Причина передачи архива уже установлена. Теперь требовалось выяснить, какое поручение Галина получила от взрослого Авиара, почему оно не было исполнено раньше и какая часть маршрута нужна для безопасной связи.

— Я против новых запросов, — сказала Лариса.

Денис усмехнулся.

— Пока не увидела запись, ты требовала всё прекратить. Теперь уже разрешила один раз. Выбери позицию.

— Моя позиция — не отдавать тебе моё детство на продажу.

— Оно никому не интересно.

Вера нажала кнопку отключения его звука.

Наступила тишина.

Денис несколько секунд говорил беззвучно, затем прислал требование вернуть микрофон.

— Правило встречи, — сказала Вера. — Если затронутый человек обозначает границу, мы не оцениваем, достаточно ли его тайна интересна для нарушения.

Она включила звук.

— Это семейная цензура, — сказал Денис.

— Нет. Ты можешь возражать против условий. Не можешь решать за маму, чего ей стыдиться или бояться.

Лариса смотрела в сторону. На столе рядом с ней лежала марка с конверта Нины, теперь запечатанная в прозрачный пакет.

— Вера, — сказала она, — ты защищаешь меня сейчас или защищаешь процедуру?

— И то и другое.

— А если процедура потребует открыть запись?

— Потребуется кто?

— Суд. Комиссия. Эллари. Кто угодно с достаточно убедительной печатью.

Вера знала профессиональный ответ: объяснить пределы обещаний, вероятность истребования материала, невозможность гарантировать абсолютную тайну. Но мать спрашивала не о праве.

— Я буду оспаривать, — сказала она. — И если проиграю, ты узнаешь до передачи, а не после.

— Не «мы»?

— Нет. Ты не обязана участвовать в моём споре.

Лариса коснулась пакета с маркой.

— Тогда один вопрос. Не о том, почему Галина лгала мне. Не о том, любила ли она кого-то больше семьи. Спросите, что именно она должна была сохранить до совершеннолетия потомков Авиара. Без моего лица, голоса и воспоминаний в открытом протоколе.

— Этого мало, — сказал Денис. — Нам нужна технология носителя и полный маршрут.

— Тебе нужна. Мне — нет.

— Ты отказываешься от возможного наследства дочери.

— Вера взрослая. Если ей понадобится наследство, она сама испортит себе жизнь.

Тимур выключил микрофон, но плечи у него задрожали.

Вера записала условие Ларисы дословно. Один вопрос о содержании поручения. Личные воспоминания непубличны. Передача суду — только извлечение, подтверждающее правовой характер поручения.

— Я не обещаю, что сам ответ не затронет тебя, — сказала она.

— Знаю.

— Тогда почему согласна?

Лариса посмотрела прямо в камеру.

— Потому что после вчерашнего я поняла: мама заперла дверь не только от меня. Она держала её закрытой от людей, которые могли добраться до ребёнка. Я хочу знать, закончила ли она эту работу. Это не значит, что прощаю способ.

Денис потребовал занести в протокол своё несогласие с ограничением. Тимур занёс. Затем Вера предложила ему подписать обязательство не использовать закрытые сведения для коммерческих переговоров до решения суда.

— Нет, — сказал Денис.

— Почему?

— Потому что оно сформулировано слишком широко.

— Предложи правку.

— Я не обязан заранее отказываться от законных возможностей.

— Тогда закрытый ответ ты не увидишь.

— Это решишь не ты.

— Верно. Решит хранитель протокола по согласованным условиям.

Денис завершил соединение первым.

На экране осталось два окна: Лариса дома и Тимур в кабинете.

— Он пойдёт в суд, — сказал Тимур.

— Уже пошёл.

— И попытается доказать, что ты ограничиваешь других наследников, пользуясь признанием архива.

— Но я ограничиваю.

— Да. Вопрос — на каком основании. Если только потому, что капсула слушает тебя, позиция слабая. Если условия одинаковы для всех и защищают конкретных людей — лучше.

Лариса спросила:

— Он может заставить открыть мою запись?

— Попытаться может, — ответил Тимур. — Получить — не уверен. Пока это не судебное доказательство, а материал частной процедуры. Мы специально не передали полную копию комиссии.

— То есть тайна держится на том, что вы ещё не знаете, чем является архив.

— Большая часть права держится на том, что кто-то первым честно признал: старые слова не подходят.

После звонка Вера нашла Майю в технической библиотеке. Та сидела среди схем шлюзов и читала открытые материалы о Нине. Рядом лежал бумажный блокнот — единственный способ делать заметки без автоматического резервного копирования.

— Лариса разрешила ещё один вопрос, — сказала Вера. — Только о содержании поручения.

— А Денис?

— Не подписал отказ от коммерческого использования закрытой записи.

— Значит, её не увидит.

— Он оспорит условия.

— Значит, оспорит.

Вера села напротив.

— Вы всегда так легко позволяете людям идти в суд?

— Только когда альтернатива — заранее отдать им требуемое из страха, что они попросят громче.

На столе Майи была выписана одна дата: за три дня до письма Нины Ларисе. Рядом — номер грузового рейса со станции наблюдения.

— Что это?

Майя развернула блокнот.

— Последний открытый след Нины. Она оформила контейнер с аналоговым передатчиком на имя фонда связи. Получателем значилась Галина, но груз вернули из-за смерти адресата.

— Где контейнер?

— Утилизирован по документам.

— По документам?

— Масса после утилизации не сходится на четыре килограмма.

— Почему вы не сказали сразу?

— Проверяла, факт это или ошибка.

— И?

— Пока ошибка. Я запросила открытый складской журнал.

Вера почувствовала почти физическое желание взять блокнот и самой пройти всю цепочку.

— Можно сфотографировать?

— Нет. Там семейные заметки на соседней странице.

Майя закрыла блокнот.

Ещё неделю назад Вера нашла бы способ увидеть нужное: попросила переписать страницу, отвернуться, прикрыть лишнее ладонью. Теперь услышала собственное правило раньше, чем успела спорить.

— Тогда пришлите дату и номер рейса отдельным сообщением.

— Пришлю.

Это была мелочь. Именно поэтому она имела значение.

К вечеру Саэл согласился на новый вопрос, но потребовал включить в формулировку не только потомков Авиара, а «всех, чьё продолжение зависело от закрытого маршрута». Иона возразила: такое расширение могло заставить архив раскрыть координаты без согласия изгнанной ветви.

Спор перенесли на следующий день.

Вера вернулась в гостиничный отсек и впервые за трое суток легла в кровать. Сон не пришёл. Через стену мерно работала вентиляция, повторяя ритм голоса Авиара из архива.

Терминал мигнул уведомлением. Саэл запрашивал закрытую встречу через официальный канал. Вера открыла карточку и увидела, что приглашение адресовано не ей.

Получателем был Денис Волков.

Содержание система не показывала, но время и место встречи относились к открытым данным безопасности: нижняя обзорная галерея, двадцать минут назад.

Вера вызвала Майю.

— Денис встречается с Саэлом.

— Они обе стороны спора. Это не запрещено.

— После того как Денис отказался ограничить коммерческое использование.

— Всё ещё не запрещено.

— Хотите сказать, что нам нельзя узнать, о чём они говорят?

— Можно спросить.

— И если не ответят?

— Тогда у нас будет их отказ, а не придуманное содержание разговора.
Вера ненавидела эту разницу. Особенно когда понимала её необходимость.
Саэл ответил на вызов через час. За его спиной уже не было галереи.

— Денис предложил вам деньги? — спросила Вера.

— Он предложил человеческую форму обеспечения риска.

— За что?

— За преимущественное право исследовать физическое устройство после признания долей.

— Каких долей?

— Моей будущей доли в носителе и маршруте.

— Архив прямо показал, что обязанность — не собственность.

— Ваш суд ещё этого не решил.

— Вы согласились?

Саэл помолчал.

— Я согласился выслушать.

— Это не ответ.

— Это точный ответ. Вы требовали точности.

— Тогда ещё точнее: подписывали что-нибудь?

— Нет.

— Получали деньги, услуги или обещания?

— Нет.

Вера остановилась. Следующий вопрос напрашивался: что именно Денис предложил и что Саэл запросил взамен. Но это был чужой разговор. Подозрение не превращало её в следователя.

— Хорошо, — сказала она. — Перед следующим запросом мы письменно укажем все договорённости, которые могут повлиять на выбор вопроса. Одинаково для человеческой и элларийской сторон.

— Денис не подчиняется вашему соглашению.

— Но вы подчиняетесь, если хотите участвовать в частной процедуре.

Пластины Саэла потемнели.

— Вы используете доступ к архиву как власть.

— Да, — сказала Вера.

Признание удивило их обоих.

— Поэтому условия должны проверяться не моей выгодой. Если я заключу тайную сделку, правило исключит и меня.

— Вы отказались от предложения Дениса?

— Он предлагал мне долю. Я отказалась.

— Но не раскрыли это до первого запроса.

Вера вспомнила разговор в хранилище, серебряный свет и собственную уверенность, что Денис просто смешон.

— Верно. Запишу в декларацию задним числом и попрошу свидетелей оценить, повлияло ли это на процедуру.

Саэл медленно склонил голову.

— Тогда я укажу предложение Дениса. Без суммы. Она несущественна, пока я не согласился.

— Согласна.

После разговора Вера внесла исправление в протокол первого запроса. Тимур ответил почти сразу: «Вот теперь правило начало работать: оно причинило неудобство автору».

Лариса прислала голосовое сообщение, но Вера попросила текст. Голос матери слишком легко превращался для неё в разрешение или обвинение в зависимости от интонации.

«Моё условие прежнее. Один вопрос. Если ответ снова покажет меня ребёнком, не продолжай просмотр ради пользы дела».

Вера подтвердила.

За окном станции Земля уходила в тень. Где-то в нижней галерее Денис уже пытался купить будущее право, которого не существовало. Саэл решал, считать ли деньги способом спасти род. Лариса разрешала открыть ровно столько прошлого, сколько могла вынести.

А Вера впервые составляла список не того, что хотела узнать, а того, чего не имела права спрашивать.

Глава 7. Комната без камер

Комнату без камер нашли в секторе, где камеры были обязательны.

Тимур добился этого не исключением из правил, а точностью формулировки. Помещение числилось не переговорной, а узлом временной изоляции носителей: там разбирали аппаратуру, способную заразить станционную сеть чужим кодом. В стенах не было микрофонов, оптика смотрела только на наружную дверь, а вентиляция работала отдельным контуром. Всё, что происходило внутри, можно было подтвердить лишь показаниями присутствующих и журналом входа.

— Право иногда начинается с кладовки, — сказал Тимур, показывая Вере пустые стойки для инструментов.

— Это не кладовка.

— Тогда нам придётся платить по тарифу лаборатории.

На середине комнаты стоял стол, принесённый из столовой. Его ножки оказались разной длины, и Тимур подклеил под одну сложенный лист с правилами эвакуации. Для капсулы установили независимую платформу без сетевого соединения. Рядом лежали пять бумажных папок, механические часы и красная кнопка, физически размыкавшая питание экрана.

Вера прочитала составленный Тимуром протокол.

Сначала каждый участник вслух называл свою роль и возможную выгоду. Затем хранители утверждали вопрос. После активации никто не мог покинуть комнату до окончания ответа, но любой затронутый человек мог нажать красную кнопку до появления личного фрагмента. Свидетели записывали не содержание, а категории увиденного: поручение, срок, круг обязанных лиц, наличие сведений ограниченного доступа. Для суда готовилось извлечение, подписанное всеми, без копии самого воспоминания.

— А если мы не согласимся, что относится к поручению, а что к тайне? — спросила Вера.

— Тогда в извлечение попадёт наименьший общий объём.

— Это может сделать доказательство бесполезным.

— Да.

— Ты произносишь это с удовольствием.

— Я редко получаю возможность напомнить специалисту по архивам, что отсутствие документа тоже бывает правильным результатом.

Вера перевернула страницу. В конце стояло пустое место для основания согласия элларийской стороны.

— Майя не нашла формулировку?

— Нашла три. Иона отвергла каждую.

Иона появилась за час до начала. Она вошла вместе с Саэлом и остановилась у порога, увидев отсутствие штатного регистратора.

— Комната, которая не помнит, — произнесла она.

Переводчик предложил: «комната, лишённая свидетельства». Иона поправила его жестом.

— Нет. Именно не помнит. У вещей тоже есть обязанность удерживать случившееся.

— Сегодня обязанность удерживать будет у людей, — сказал Тимур.

— Люди меняют рассказ.

— Записи тоже выбирают угол.

Иона провела ладонью над платформой, проверяя отсутствие полей. Её тонкие пальцы не коснулись металла.

— Тайна Авиара принадлежит его продолжению, — сказала она. — Ни Саэл, ни я не можем разрешить вам разделить её на удобные части.

— Но вы оба согласились на вопрос, — заметила Вера.

— На вопрос — да. На сокрытие ответа от рода — нет.

Саэл встал у стены, сложив руки на груди. В декларации интересов он указал предложение Дениса и добавил, что считает маршрут средством спасения, а потому лично заинтересован в скором раскрытии. Денис прислал отдельное возражение против всей процедуры и потребовал допустить его как родственника Галины. Тимур приложил требование к делу и отказал: обязательство о неиспользовании закрытых сведений Денис так и не подписал.

Лариса участвовала с Земли по односторонней аудиолинии. Она могла слышать комнату, но её голос поступал только в наушник Веры. Если мать произносила «стоп», Вера должна была нажать кнопку без объяснений.

— Получается, — сказала Вера, — человеческая ветвь может ограничить распространение своих тайн, а элларийская — нет?

— Получается, вы присвоили себе право определять границы рода, — ответила Иона.

— Я определяю только границы этой комнаты.

— И через них — границы знания.

Возразить было легко. Вера могла напомнить, что Иона сама закрыла маршрут по приказу старейшин и десятилетиями жила внутри чужого решения. Но использовать раскрытую архивом вину как рычаг означало подтвердить её обвинение.

Майя сидела у дальней стены. Она пришла как частный переводчик смыслов, не как бывшая сотрудница комиссии, и первой строкой декларации написала: «родство с Ниной Рен; заинтересованность в сохранении её достоинства; отсутствие служебных полномочий».

— У эллари есть понятие частного согласия? — спросила Вера.

— Есть согласие тела, согласие пути и согласие имени, — ответила Майя. — Но Иона права: память об обязанности обычно считается общей.

— Обычно?

— Если обязанность принята перед родом. Авиар мог принять её перед конкретным человеком или перед ещё не существующими потомками. Мы не знаем.

— Значит, чтобы узнать, можно ли ограничить ответ, надо сначала открыть ответ.

— Очень человеческая конструкция, — сказал Саэл.

— У вас лучше?

— У нас сначала выбирают того, кто понесёт ошибку.

Эта фраза заставила Майю поднять голову.

— Повторите на элларийском.

Саэл произнёс короткое сочетание щелчков и выдохов. Переводчик выдал: «назначить первого виновного».

Иона резко повернулась к нему.

— Это выражение не для чужих.

— Оно из дорожного права, — сказал Саэл. — Если путь неизвестен, первый идущий принимает последствия решения за тех, кто следует.

Майя попросила его повторить медленнее и записала звуки от руки.

— Мы всё время переводили согласие как разрешение, — сказала она. — Но для архивного поручения ближе не разрешить действие, а согласиться первым понести последствия неверного действия.

— Это не одно и то же, — возразил Тимур.

— Конечно. Поэтому и важно. Разрешение можно дать на чужой риск. Здесь нельзя.

Вера посмотрела на красную кнопку.

— Тогда хранитель закрытого просмотра должен согласиться отвечать за остановку и за продолжение.

— И назвать, перед кем отвечает, — добавил Саэл.

Иона медленно прошла вокруг стола. Свет под её височными пластинами то гас, то возвращался.

— Вы хотите сделать из родовой памяти договор между пятью присутствующими.

— Нет, — сказала Майя. — Мы хотим проверить один вопрос так, чтобы ошибка не стала общей только потому, что никто не назвал себя ответственным.

— Ты говоришь как Нина.

Майя выдержала паузу.

— Я не знаю, как говорила Нина. Вы знаете больше меня.

Иона могла воспользоваться преимуществом и не воспользовалась.

— Она говорила, что общее слишком часто означает ничьё, когда приходит время платить.

Лариса тихо сказала в наушнике:

— Это говорила и мама.

Вера не повторила её слова вслух. Условие матери включало право присутствовать, а не обязанность становиться аргументом.

Тимур внёс новую формулу в протокол: каждый хранитель принимает последствия ошибочного раскрытия перед перечисленными затронутыми лицами; отсутствие согласия хотя бы одного хранителя прекращает просмотр; извлечение не расширяется без нового согласия.

Иона прочитала текст через переводчик.

— Это близко, — признала она. — Но род Авиара не перечислить.

— Можно указать круг: все живые продолжатели, чья безопасность зависит от маршрута, — предложила Майя.

— Мы не знаем, кто жив.

— Ответственность не исчезает от незнания имени.

Саэл подошёл к столу первым.

— Я принимаю риск перед продолжателями Авиара, известными и неизвестными. Если ответ откроет путь без их воли, я откажусь требовать его передачи и первым сообщу об опасности своему роду.

Иона спросила:

— Даже если там твоя сестра?

Вера впервые услышала о сестре Саэла. Он не изменился в лице, но ногти коротко щёлкнули по краю стола.

— Особенно если там моя сестра.

Иона положила ладонь рядом с его рукой.

— Я принимаю риск перед теми, чью историю закрывала. Если ответ покажет вину старейшин, я не стану скрывать основание решения. Если покажет координаты, я потребую остановки до согласия тех, кто там живёт.

Майя назвала Нину, Льва Рена и неизвестных ей потомков Авиара. Тимур — Ларису, обе признанные ветви и суд, которому он обязан не выдавать предположение за доказательство.

Оставалась Вера.

— Я принимаю риск перед Ларисой Ланской, — начала она, — перед продолжателями Авиара и перед всеми, кого может сделать уязвимым маршрут. Если личное воспоминание окажется полезно делу, я всё равно остановлюсь по требованию затронутого человека. Если поручение не даёт мне права распоряжаться архивом, я не буду ссылаться на признание продолжательницей как на такое право.

В наушнике мать спросила:

— А перед собой?

— И перед собой, — добавила Вера. — Я не обязана узнавать всё, что способна открыть.

Тимур поставил механические часы на край платформы. До ускоренного слушания оставалось меньше двух суток.

Архив внесли двое техников, не заходя дальше линии у двери. Они сверили пломбы и ушли. Замок закрылся снаружи. В комнате стало слышно, как работает отдельный вентилятор платформы.

Вера положила ладонь на капсулу.

Серебряные нити поднялись под прозрачной поверхностью, но экран не включился. Свет собрался вокруг её пальцев и протянулся к Майе, Саэлу и Ионе. Четыре линии не соединялись.

— Ему не хватает Ларисы? — спросил Тимур.

— Она согласилась на расстоянии, — сказала Вера.

— Архив не читает протокол.

В наушнике мать выругалась и велела приложить динамик к корпусу.

Вера включила внешний звук.

— Я, Лариса Ланская, — произнесла мать, — разрешаю спросить, что Галина хранила до совершеннолетия потомков Авиара. Моё детство не показывать. Если всё-таки покажете — Вера остановит просмотр.

Световая линия появилась от края капсулы к динамику. Пять нитей сомкнулись, образовав плоскую фигуру, похожую на раскрытую ладонь.

Иона выдохнула.

— Она принимает отсутствующий голос.

— Или подтверждённое обязательство, — сказала Майя.

Вера прочитала утверждённый вопрос. Каждое слово прошло три перевода и семь правок:

— Какое поручение Галина Ланская приняла от Авиара до совершеннолетия его продолжателей, кому оно предназначено и при каком условии должно быть исполнено?

Комната исчезла.

Не зрением — телом. Вера всё ещё чувствовала стол под свободной рукой и холод капсулы под ладонью, но вокруг возник тесный отсек с низким потолком. Галина была старше, чем в первой записи: седая прядь пересекала висок, на запястье темнел ожог. Напротив неё сидел взрослый Авиар. Его пластины стали широкими, почти белыми, и одна была расколота у основания.

Между ними лежал не предмет, а схема из подвижных точек. Часть звёзд гасла всякий раз, когда Галина пыталась посмотреть прямо.

«Ты просишь спрятать маршрут», — сказала она.

Архив передал смысл без голоса, но Вера узнала бабушкину привычку прищуриваться перед неприятным выводом.

«Я прошу удержать возможность пути», — ответил Авиар. «Сам путь изменится».

«До какого срока?»

«Пока те, кого мы спасаем молчанием, не смогут отказаться от спасения».

Галина постучала ногтем по корпусу передатчика.

«Дети не подписывают договоров».

«Поэтому договор будет ждать взрослых».

Он раскрыл перед ней три слоя схемы. Первый содержал координатную последовательность. Второй — признаки опасности: режимы наблюдения, старые коды старейшин, сигналы, после которых путь следовало считать скомпрометированным. Третий состоял из имён, часть которых архив скрыл даже в воспоминании.

«Если я умру?» — спросила Галина.

«Поручение перейдёт не к твоей крови. К тому, кто повторит твою заботу, не зная награды».

Вера ощутила, как рядом напряглась Лариса, хотя мать находилась в тысячах километров. Архив не показывал её детство. Он показывал выбор Галины, и этого было достаточно, чтобы причинить боль.

«А если такой человек решит, что забота даёт ему власть?»

Авиар коснулся схемы. Все точки погасли.

«Тогда поручение не исполнено».

Галина долго смотрела на него.

«Ты хочешь, чтобы моя семья хранила дверь, которой не имеет права открыть».

«Не семья. Свидетели».

«И что получают они?»

«Право спросить, готовы ли другие открыть её изнутри».

Схема изменилась. Над ней возникли две расходящиеся линии времени. На одной стояли детские силуэты. На другой — те же фигуры взрослыми, каждая со знаком выбора у раскрытой ладони.

Галина спросила:

«Как архив узнает, что они выросли?»

«Когда хотя бы один продолжатель примет последствия пути за тех, кого не может назвать, а другая сторона откажется считать хранение собственностью».

Вера услышала металлический щелчок. Саэл положил обе ладони на стол. Свет капсулы прошёл по его пальцам и выделил одну из фигур на схеме.

Авиар повернулся — не к нему, а будто сквозь годы.

«Если срок наступит, архив попросит вернуть выбор. Не маршрут. Не имущество. Выбор».

Изображение дрогнуло. На мгновение возник коридор земной квартиры: маленькая Лариса стояла за приоткрытой дверью, а Галина закрывала передатчик тканью.

— Стоп, — сказала мать.

Вера ударила по красной кнопке.

Экран погас. Световые нити оборвались. Вентилятор платформы замолчал, и комната вернулась вся сразу: серые стены, дешёвый стол, бумажные папки, лица людей, которые не успели спрятать реакцию.

Тимур посмотрел на часы.

— Остановка через восемь десятых секунды после слова.

— Зачем вы это фиксируете? — резко спросила Иона.

— Потому что обещание должно быть проверяемым.

Лариса молчала. Вера сняла наушник, но связь не отключила.

— Мам?

— Я здесь.

— Мы остановились.

— Я заметила.

— Ты хочешь выйти из линии?

— Нет. Закончите только протокол. Без обсуждения того кадра.

Вера повторила её условие остальным. Никто не возразил.

Они заполняли папки отдельно. Тимур потребовал писать чернилами, которые нельзя стереть нагревом; станция выдала ему фиолетовые ручки с инвентарными номерами. В графе «правовая природа» Вера написала: «отложенное поручение с условием исполнения». Тимур зачеркнул слово «правовая» и заменил на «предполагаемая правовая».

Саэл указал: «срок наступил частично».

Иона написала: «продолжатель принял риск, но согласие отсутствующей ветви не получено».

Майя сформулировала общую часть: архив предназначен не для передачи маршрута наследнику, а для возврата взрослым продолжателям возможности отказаться или согласиться на контакт; хранитель не приобретает права собственности на содержание.

— Это нужно передать суду, — сказала Вера.

— Это можно передать суду, — поправил Тимур. — После согласования каждым свидетелем.

— Денис потребует исходную запись.

— Пусть требует.

Иона отложила ручку.

— Роду нужно знать, что срок наступил.

— Какому роду? — спросил Саэл. — Тому, который изгнал Авиара, или тому, который вырос за закрытым маршрутом?

— Обоим.

— Второй не давал тебе говорить за него.

— А первый несёт обязанность вернуть утраченное.

— Возвращают вещь. Здесь нам только что объяснили, что это не вещь.

Вера увидела, как Иона впервые не нашла немедленного ответа.

— Вы знали о сроке? — спросила она.

— Я знала древнюю форму поручения. Не знала, какое условие назвал Авиар.

— Но предполагали, что совершеннолетие имеет значение.

— Да.

— Поэтому требовали открыть архив сейчас.

— Поэтому боялась, что вы откроете его как наследство.

Это было не оправдание. Вера оценила разницу.

Саэл вернулся к своей декларации и дописал одну строку. Затем протянул лист Тимуру.

— Что вы добавили? — спросила Вера.

— Моя младшая сестра Эль находится среди тех, кто ушёл искать изгнанную ветвь. Связь с её кораблём потеряна четыре года назад. Если маршрут откроется, я могу получить личную выгоду.

— Вы знали это до первого запроса?

— Да.

— И не сказали.

— Вы не спрашивали о выгоде, которую невозможно продать.

— Она всё равно влияет на выбор вопроса.

— Теперь ваше правило стало точнее.

Он вернул ей её собственные слова без насмешки, и от этого они прозвучали тяжелее.

Тимур собрал папки, пронумеровал страницы и запечатал каждую отдельной лентой. Полного протокола не существовало: только пять свидетельств, совпадавших в установленной части. Если один человек позже менял показание, остальные записи сохраняли разногласие.

— Мы доказали, что архив не наследство? — спросила Майя.

— Мы получили основание так утверждать, — сказал Тимур. — Суд может решить иначе.

— А срок?

— Для поручения наступил момент проверки условия. Не обязательно исполнения.

Вера посмотрела на погасшую капсулу. Ещё утром ей казалось, что главная задача — не дать чужому любопытству превратить память в товар. Теперь стало ясно: бесконечно хранить дверь закрытой тоже означало сделать выбор за тех, кто жил по другую сторону.

Лариса позвала её по имени.

Вера снова надела наушник.

— Бабушка ждала тебя? — спросила мать.

— Нет. Архив ждал поступка. Это мог быть кто-то другой.

— Тебе от этого легче?

Вера подумала.

— Да.

— Мне тоже.

Связь завершилась.

У двери Саэл задержал Веру.

— Теперь вы постройте дерево заботы, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Вы строите деревья, когда не понимаете семью.

— Обычно помогает.

— Тогда не забудьте: Авиар назвал продолжателем того, кто принял риск. Кровь — только одна линия.

— Вы боитесь, что право получит Иона?

— Я боюсь, что она его уже несла, пока я требовал вернуть мне маршрут.

Он ушёл вместе с ней, не дожидаясь ответа.

Майя осталась у платформы. После отвода она не имела доступа к материалам комиссии, но всё ещё замечала то, что другие принимали за фон.

— На последнем кадре схема изменилась до остановки, — сказала она.

— Мы договорились его не обсуждать.

— Не кадр с Ларисой. Индикатор капсулы.

Вера посмотрела на прозрачную крышку. Внутри, где прежде светилась одна замкнутая спираль, теперь расходились две.

— Что это значит?

— Не знаю. Но архив признал, что срок проверки наступил. Возможно, теперь он различает две очереди обязанности.

Тимур, уже стоявший в дверях, услышал её.

— Тогда до следующего запроса нам нужно установить, кто именно в каждой очереди и что обязан сделать.

Вера провела пальцем над двумя спиралями, не касаясь поверхности.

Одна линия тянулась к Саэлу. Другая — к месту, где сидела Иона.

У отложенного поручения оказалось два наследника, и ни один из них не наследовал одно и то же.

Глава 8. Наследник поручения

Генеалогическое древо начиналось с рождения.

Дерево заботы — с глагола.

Вера написала на верхнем листе: «спасла», «скрыла», «перевела», «дождался», «предупредила», «отказался». Потом перечеркнула последнее слово и вписала точнее: «не потребовал награды заранее».

— Так мы к слушанию не успеем, — сказал Тимур.

Он принёс завтрак в бумажных стаканах, но кофе успел остыть, пока проходил санитарный шлюз. После закрытого просмотра Вера спала сорок минут и теперь занимала половину архивной лаборатории листами. На одном была человеческая семья Галины. На втором — известная ветвь Авиара. Между ними тянулись не линии родства, а датированные действия.

Галина поддерживала связь с аварийным кораблём. Нина сопровождала Авиара. Иона закрыла маршрут. Лариса сохранила марку. Майя раскрыла конфликт интересов и отступила от дела. Саэл принял риск перед неизвестными продолжателями.

— Это не дерево, — заметил Тимур. — Больше похоже на схему аварии.

— Семьи часто так выглядят, если убрать фотографии с праздников.

— И что именно мы доказываем?

— Кто наследует поручение.

— Суд спросит, существует ли такое наследование по закону.

— А мы спросим, какое действие должно продолжиться. Если спорить только о носителе, победит тот, у кого лучше договор на имущество.

Тимур поставил кофе на свободный угол стола.

— Денис уже прислал договор с дальним родственником?

— Пока только уведомление, что представит его на слушании.

— Значит, договор есть.

— Или ему важно, чтобы мы готовились к договору и не смотрели в другую сторону.

Вера прикрепила к схеме карточку Саэла. Биологический потомок Авиара по младшей линии. Представитель признанного рода. Брат пропавшей Эль. Последнее обстоятельство делало его настойчивость понятнее, но не давало дополнительных прав.

Карточка Ионы была сложнее. Она не происходила от Авиара. Во время изгнания занимала младшее место в совете хранителей и выполнила приказ закрыть маршрут. Позже сохраняла запись о причине катастрофы, не открывая её даже Саэлу. Она совершила действие, прямо связанное с поручением, но часть этого действия защищала виновных старейшин.

— Если человек двадцать лет охранял украденное, — сказал Тимур, — это не делает его наследником владельца.

— Архив не вещь, помнишь?

— Именно поэтому аналогия плохая, и ты сейчас её используешь.

Вера сняла карточку Ионы и положила отдельно.

— Тогда так: она удерживала опасный маршрут закрытым. Мотивы смешанные. Результат совпадал с поручением Авиара.

— До тех пор, пока срок не наступил. Теперь то же действие может стать нарушением.

— Значит, наследуется не статус хранителя. Наследуется следующий необходимый поступок.

Тимур наконец отпил кофе и поморщился.

— Вот это можно защищать. Только не называй наследованием.

— Книга уже называется делом о наследстве.

— К счастью, судьи не обязаны уважать красивые названия.

В дверь постучали. Майя вошла с распечаткой складского журнала и поставила её поверх карточки Дениса.

— Контейнер Нины не утилизировали, — сказала она.

— Нашёлся?

— Нашлась следующая потеря. После списания его перевели в хранилище невостребованных дипломатических грузов. Через три года хранилище передали частному оператору. В описи контейнер есть, в акте передачи — нет.

— Оператор связан с фирмой Дениса?

— Я проверила. Нет.

— Тогда почему лист лежит на его карточке?

— Потому что свободного места нет.

Вера подвинула схему. После вчерашнего отказа сфотографировать семейный блокнот Майя принесла только официальный журнал. Ни пометок, ни догадок рядом.

— Спасибо, — сказала Вера.

— За отсутствие результата?

— За границу между ним и семейными сведениями.

Майя посмотрела на неё поверх листа.

— Вы не обязаны отмечать каждый случай, когда ведёте себя прилично.

— Это профессиональная привычка. Мы называем контрольные точки.

— Люди называют их жизнью.

Тимур собрал стаканы.

— Пойду найду кофе, который пережил вход в атмосферу. Заодно оставлю вас спорить о терминологии без независимого свидетеля.

Когда дверь закрылась, Майя обошла стол.

— Вы поставили меня между Галиной и архивом.

— Потому что вы согласились стать второй ветвью.

— Это одно действие.

— И раскрытие конфликта. И передача материалов. И вчерашняя ответственность перед неизвестными людьми.

— Тогда почему Саэл только здесь?

Его карточка стояла рядом с Авиаром, соединённая линией рождения.

— Потому что я начала с обычного дерева.

— И оно уже решило за вас, что важнее.

Вера переставила карточку Саэла вниз, к принятому риску.

— Так точнее?

— Точнее будет спросить его, что он считает своим действием. И Иону тоже.

— На совместной встрече они начнут доказывать друг другу право.

— Раздельно они будут доказывать его вам.

— Вы предлагаете посадить их рядом?

— Я предлагаю не делать из генеалога единственный узел схемы.

Это тоже было возвращением её слов. Вера обнаружила, что собственные правила быстро размножились в чужих руках и начинали мешать именно там, где она рассчитывала на исключение.

Встречу назначили в открытой комнате для медиации. Капсулу не приносили. На столе лежали только листы, которые Вера заранее развернула обратной стороной вверх.

Иона села напротив Саэла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.